

ВАДИМ ПАНОВ

КОРОЛЕВСКИЙ
КРЕСТ

ТАЙНЫЙ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Королевский крест

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2005

Панов В. Ю.

Королевский крест / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2005 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-12429-9

Никиту Крылова, совладельца одного из крупнейших московских казино, трудно поразить чем-либо, относящимся к миру азартных игр. Однако нашлось некое обстоятельство, ввергшее его в замешательство, – обычная с виду колода карт... Но то, что дико для обычного, даже искушённого чела, вполне естественно для любого из читателей Вадима Панова, прекрасно осведомлённых о неиссякаемом источнике тайн и загадок на территории современной Москвы... Захватывающая история Колоды Судьбы, созданной знаменитым графом Сен-Жерменом, поломавшей планы Наполеона Бонапарта и ставшей предметом вождения мятежных вампиров из клана Саббат, – в новом романе Вадима Панова, продолжающем знаменитый цикл «Тайный Город»!

ISBN 978-5-699-12429-9

© Панов В. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

© Панов Вадим, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вадим Панов

Королевский крест

Пролог

Италия, Рим

Палаццо Пинелли, изящный трехэтажный особняк на одной из улочек Рима, принадлежал старинному аристократическому роду и ни разу, с самой своей постройки в середине XVIII века, не менял хозяев. Волнения, войны, диктатура... Что бы ни происходило в Вечном городе, кто бы им ни правил, чьи бы солдаты ни маршировали по старинным камням – особняк всегда оставался домом зажиточной флорентийской семьи. Подчеркивал крепость итальянских традиций, олицетворял связь современности и седой старины. Годы, десятилетия, века – время не властвовало над каменными стенами, лишь придавало им налет благородной седины. И даже когда дела Пинелли шли неважно, когда с большей части окон не снимались ставни, а прислуживала в палаццо всего одна служанка, окрестные жители с уважением продолжали кивать господам: «Бон джорно, граф!», «Бон джорно, графиня!» И пусть на полуострове давным-давно республика, пусть появились новые хозяева жизни, пусть разбогатели дети грузчиков и бандитов, неподдельное уважение к аристократам сохранилось в душах римлян.

Сейчас же, как понимали соседи, дела Пинелли шли прекрасно: дом заботливо отреставрирован, хозяин ездит на роскошном «Феррари» и едва ли не каждый вечер устраивает приемы, на которые съезжаются важные господа. Лиц дорогих гостей любопытные соседи никогда не видели, но лимузины и многочисленная охрана говорили о том, что Пинелли летает на самом вершине. И вот бы удивились честные горожане, узнав, что блистательный граф занимается не чем иным, как азартными играми, а в старинном палаццо размещается элитное казино, лучшее заведение Рима, попасть в которое могут лишь избранные. У Пинелли не появлялись случайные люди, не стояли «однорукие бандиты», не проводились боксерские поединки. Большие люди играли в палаццо на большие деньги, отдыхали, общались, и, разумеется, за безопасностью значимых персон следили самым тщательным образом.

Обычно машины въезжали в маленький дворик и, высадив или забрав хозяев, уезжали – размеры не позволяли устраивать внутри палаццо парковочную площадку. Но многие посетители Пинелли пренебрегали этим правилом, предпочитая выходить через главные двери и садиться в автомобили на улице.

- Барон Александр выйдет сам.
- Вас понял.

Два черных «Мерседеса-600» с сильно тонированными стеклами проехали мимо ворот и плавно остановились. Первый – напротив дверей, второй чуть позади, и из него вышли телохранители, четверо мужчин в одинаковой темной одежде. Плащи, костюмы, ботинки, сорочки, галстуки – на телохранителях не было ни одного светлого пятна, только черные и темно-серые тона. И на каждом – солнцезащитные очки, неуместные, мягко говоря, в глухой предрассветный час, когда вечные камни еще укрывает непроглядная ночная тьма.

- Шесть секунд!

Два телохранителя встали позади замыкающего «Мерседеса», двое других прошли по улице и заняли позицию перед первой машиной.

- У нас тихо!
- У нас тихо!
- Барон Александр выходит.

Дверь особняка отворилась, и на улицу неспешно вышел худощавый, среднего роста господин с очень резкими чертами лица. Черный плащ старинного покроя, цилиндр, трость с резным набалдашником – можно было представить, что сегодня в палаццо проходит бал-маскарад и гость нарядился дворянином начала века. Под небрежно расстегнутым плащом виднелись фрак, белая сорочка со стоячим воротничком и необычайно крупный рубин, скрепляющий пышный галстук.

Глаза господина скрывали черные солнцезащитные очки.

Барона сопровождала высокая женщина в изящном шелковом плаще и шляпке с вуалью. Можно было видеть лишь нежную линию подбородка и маленький рот.

Господин улыбнулся, бросил несколько слов кому-то в холле, вполне возможно, хозяева лично провожали дорогого гостя, и, поддерживая спутницу под локоть, медленно направился к автомобилю. Дверь палаццо закрылась...

– Синьор Бруджа! – Широкоплечий мужчина в спортивной куртке и джинсах торопливо выскочил из припаркованного у тротуара «Фиата» и замахал руками: – Синьор Бруджа!!

Широкоплечий находился довольно далеко от телохранителей, в противном случае они вряд ли позволили бы ему выйти из машины, а потому, чтобы быть услышанным, владельцу «Фиата» приходилось орать:

– Барон! Барон Бруджа! Мы должны поговорить!

Господин с рубином поморщился – незнакомец мог перебудить весь квартал, – остановился и повернулся на голос. Но не произнес ни слова. Женщина же, приняв руку шофера, грациозно опустилась на заднее сиденье автомобиля. Но жестом приказала оставить дверцу открытой. Телохранители отнеслись к ситуации без особой нервозности, так, словно знали, что незнакомец прятался в «Фиате», и были готовы к его появлению. Широкоплечий подошел ближе, но, пока он не пересек невидимую запретную линию, охранники оставались спокойны.

– Барон Александр, мы обязательно должны поговорить! Меня зовут Роберто Чернышев, и я...

– Вы знаете мое имя? Прекрасно. – Барон Бруджа говорил очень тихо. Слова падающими листьями шелестели в октябрьской ночи, едва угадывались. – Позвоните в мой офис, вам назначат встречу.

– Ваш секретарь отказывается назначить время, говорит, что мое дело не столь важно.

– Увы, ничем не могу помочь.

В рассеянном уличном свете – возле палаццо не устанавливали ярких фонарей – широкоплечий прочел на лице Александра выражение глубокой скуки. Человек, входящий в десятку самых богатых людей Италии, привык к визитам сумасшедших ученых и представителей благотворительных обществ.

– Придумайте дело поважнее, и тогда...

– К сожалению, я не могу сообщить секретарю истинную причину, которая побуждает меня искать встречи с вами.

– Видимо, это связано с национальной безопасностью?

По очень красным губам Александра скользнула тень усмешки, он беззвучно веселился над собственной шуткой.

– Пожалуйста, выслушайте меня!

Чернышев попытался подойти к барону, но пересек невидимую черту и разбудил телохранителя. Последовал несильный на первый взгляд толчок, и плечистый Роберто как котенок отлетел к стене. Тем временем Бруджа обогнул машину и уже садился в «Мерседес».

– Барон! Я знаю, кто вы! Я знаю, почему вы даже ночью не снимаете черные очки! Я знаю, почему вы никогда не ездите в Москву!!

Бруджа остановился и пару секунд смотрел на Роберто. Как он отнесся к заявлению, было непонятно: лицо барона осталось неподвижным.

– Я знаю, почему вы никогда не ездите в Москву, – повторил Чернышев. Теперь он смотрел на женщину, застывшую на заднем сиденье автомобиля. – И еще я знаю, что вы не барон, а кардинал...

– Знание убивает, – совсем тихо, почти неразличимым эхом отозвался барон. – Жан-Жак...

Телохранитель кивнул и нехорошо улыбнулся. И два его клыка увеличились в размерах, выросли над остальными зубами, заострились... Их ведь не зря называли *иглами*. Жан-Жак сделал шаг к лежащему у стены человеку. Бруджа зевнул, воспитанно прикрыв ладошкой рот. Женщина безразлично отвернулась. И Чернышев похолодел – он понял, что сказал барон охраннику.

– Барон, я знаю, где находится то, что вы потеряли двести лет назад!

Бруджа вздрогнул.

– Двести?

– Чуть меньше. В одна тысяча восемьсот двенадцатом году.

Жан-Жак остановился. Барон выбрался из «Мерседеса», очень медленно подошел к Чернышеву, присел и улыбнулся, увидев страх в глазах Роберто. Чел переоценил свою силу воли и, оказавшись на темной улице один на один с Александром, испытывал настоящий ужас. Он знал, КТО перед ним. А потом барон снял очки, еще больше приблизился к Чернышеву, и его пронзительно-красные зрачки намертво привязали к себе серые глаза Роберто.

– Ты сказал, что знаешь, кто я.

Даже сейчас, явно заинтересовавшись сообщением, Бруджа не изменил себе, продолжал говорить тихо, призрачным голосом высушенных листьев.

– Знаю, – прохрипел Чернышев.

– Значит, ты должен понимать, каково это – шутить со мной.

– Я понимаю.

Невероятным усилием воли Роберто сумел взять себя в руки, подавить страх. И целых пять секунд он выдерживал тяжелый взгляд красных глаз барона. Это подействовало на Александра лучше любых слов – Бруджа патологически ненавидел трусов.

– Хорошо, чел Роберто Чернышев, я рад, что ты все понимаешь. Теперь говори, что я потерял двести лет назад?

– Шкатулку красного дерева, – негромко ответил Роберто. – Примерно двадцати дюймов длиной, десяти шириной и пяти высотой. Уголки обиты золотом. На верхней крышке чеканный медальон...

– Достаточно. – Александр поднялся. – Жан-Жак, чел поедет с нами.

И снова шелест падающих листьев.

Телохранитель кивнул и легко, без видимых усилий, поднял Чернышева с земли.

Руки у Жан-Жака оказались необычайно холодными. Это не могли скрыть даже плотные кожаные перчатки.

«Мерседесы» въехали на территорию виллы в престижном пригороде Рима одновременно с восходом солнца, осенние лучи которого, мягко скользнув по черным изгибам автомобилей, разбились о наглухо тонированные стекла и обиженно помчались прочь, удивленные тем, что кто-то в этом мире не радуется появлению дневного светила. Что кто-то отгораживается от тепла животворной звезды всеми доступными способами. Автомобили скрылись в большом гараже, остановились, но пассажиры покинули их только после того, как плотно закрылись ворота. Сначала барон и его спутница, затем их новый знакомый. Молчаливый Жан-Жак проводил Роберто в каминный зал – Чернышев догадался, что большая часть видимых снаружи окон виллы является фикцией – и оставил одного. Но ненадолго, хозяин появился меньше чем через пять минут.

– Вина?

– Неплохо бы, – согласно кивнул Чернышев и сделал попытку подняться на ноги.

– Не беспокойся.

Бруджа сам наполнил два бокала и, протянув один из них Роберто, устроился в кресле напротив.

– В моих погребах только красное.

Алые губы коснулись кровавистого вина, красные зрачки неподвижно усталились на Чернышева.

– Расскажи мне о шкатулке, чел. Откуда ты узнал о ней?

Теперь Роберто рассмотрел барона Бруджа как следует: до сих пор он видел эксцентричного мультимиллионера, владельца фармакологического концерна, мецената и игрока лишь на фотографиях. Волосы покинули большую часть головы Александра, сохранив лишь небольшие плацдармы за ушами и на затылке. Но, несмотря на обширную лысину, резкие черты, глубокие складки на лбу и массу мелких морщин на лице, внешний вид Александра скорее наводил на мысль о бурной молодости, нежели о старости. По документам барону было пятьдесят семь, выглядел он на пятьдесят максимум, но Роберто знал, что это – ложь, что Бруджа старше. Гораздо старше, чем может себе представить человек. Более того, гораздо старше, чем могут себе представить сородичи самого барона. Тысяча триста шестнадцать лет! Перед Чернышевым сидел самый старый масан в мире.

Александр переоделся в серые брюки, мягкие домашние туфли и белую шелковую сорочку с открытым воротом. Крупный рубин, ранее скреплявший галстук, теперь переместился на цепочку – оправа оказалась универсальной – и висел на груди барона. Судя по всему, увидеть Бруджу без этого камня не представлялось возможным.

– Расскажи о шкатулке, чел. Откуда ты узнал о ней?

– Весь девятнадцатый век шкатулкой владела моя семья, – почти сразу ответил Роберто. – Я граф Чернышев, последний носитель титула.

– Русский?

– К вашим услугам, сударь.

Некоторое время Александр молча потягивал вино, затем поставил бокал на столик справа, сцепил на животе руки и покачал головой:

– Я не верю. Шкатулка не могла попасть в руки обычных челов.

– Тем не менее это так. Ваши враги не добрались до нее.

Бруджа посмотрел на Чернышева как на идиота, улыбнулся и менторским тоном произнес:

– Они не могли не добраться до нее, чел. Они ее искали. В этом была их цель.

– Целью была ваша смерть. При чем здесь шкатулка? Я вообще не уверен, что в то время они знали о ее существовании.

– Я, признаться, не рассматривал ситуацию под этим углом... – протянул после короткой паузы барон. – И свыкся с мыслью, что потерял шкатулку навсегда.

– Вы можете ее вернуть.

Александр потер подбородок, машинально прикоснулся к рубину на груди, взялся за бокал.

– Я уже почти рад, что не убил тебя.

– Но опасаетесь ловушки?

– Нет, – усмехнулся Бруджа. – Челу не под силу обмануть мой камень. – Пальцы вновь погладили рубин. – Я опасаюсь разочароваться. Опасаюсь, что ты ошибся и мы говорим о разных шкатулках.

– «Королевский Крест», – просто сказал Чернышев. – Я могу рассказать правила.

– Откуда твои предки их узнали?

- Понятия не имею. Возможно, кто-нибудь из них был колдуном?
- Возможно, возможно... – Александр вернул бокал на столик и вновь сцепил пальцы рук на животе. – Твои предки играли в «Королевский Крест»?
- Разумеется.
- И их не поймали? Хотя о чем я? Он ведь предупреждал, что узнать об игре никто не сможет. Никаких магических вспышек, никаких потоков энергии, все скрытно, легкими мазками... Он был художник.
- Сен-Жермен?
- Барон кивнул.
- Разве ты не знал, что он создатель шкатулки?
- Я не об этом. – Чернышев позволил себе улыбку. – Я не могу говорить о нем так, как вы. Так, как будто...
- Знал его лично, – закончил Александр.
- Да. Для меня Сен-Жермен – легенда.
- А для меня – недавно скончавшийся деловой партнер.
- Завидую, – вздохнул Роберто. – «Недавно скончавшийся...» Почти две сотни лет...
- Если надеешься, что я сделаю тебя долгожителем, то ты пришел не по адресу, – предупредил чела масан. – Меня действительно интересует кровь разумных, но на становления-инициализации не рассчитывай, как бы я тебя ни *высушивал*, быстро или медленно, ты все равно сдохнешь.
- Я знаю, что человеческие сказки о вампирах имеют мало общего с истиной, – буркнул Чернышев. – И знаю, что вы, масаны, просто другая раса.
- Ну, если для тебя это просто... – Бруджа рассмеялся: большую кучу сухих листьев сдуло ветром. – Тогда скажи, чего ты хочешь, чел Роберто? Зачем пришел ко мне? Зачем не стал искать шкатулку для себя?
- Чернышев тоже отставил бокал – он едва притронулся к вину – и подался чуть вперед.
- Моей прабабке чудом удалось вырваться из лап коммунистов. Она покинула Родину, лишившись всего: денег, положения, а самое главное – мужа, любимого мужа. Комиссары убили прадеда во время ограбления нашего подмосковного поместья. – Чернышев скривился. – Единственными сокровищами, которые удалось спасти прабабке, были семейные предания и легенды. – Роберто помолчал. – Главная из них – рассказ о шкатулке.
- Судя по всему, твоим предкам везло в «Королевский Крест», – обронил Александр. – В противном случае рассказывать было бы не о чем.
- Им везло, – подтвердил Чернышев. – Именно поэтому я решил вернуть шкатулку.
- В наши дни мало кто верит старым легендам.
- Русские не любят трепать языком, – усмехнулся Роберто. – Нашим преданиям можно доверять.
- Пожалуй, соглашусь, – качнул головой барон. – Что дальше?
- Решив, что семейная легенда правдива, я потратил немало времени и средств, чтобы выяснить, кто украл у прадеда шкатулку и является ее нынешним владельцем. Я даже устроился в одну из бюрократических структур Евросоюза, чтобы иметь возможность часто посещать Москву. Последние семь лет я практически жил в России, и я нашел. Я точно знаю, у кого шкатулка.
- Та самая шкатулка? – не удержался Бруджа.
- Та самая шкатулка.
- Барон шумно выдохнул, откинулся на спинку кресла, покачал головой, словно не веря услышанному.
- Так чего же ты хочешь, чел Роберто? Почему не взял шкатулку себе?
- Чернышев пронзительно посмотрел на вампира.

– Потому что я понял – шкатулка не предназначена для простого чела. Потому что узнал имя ее истинного хозяина. И потому что ищу его покровительства. – Роберто склонил голову. – Я хочу быть вашим слугой, барон Александр.

– А как же свобода?

– Я дворянин, – твердо ответил Чернышев. – Во мне нет царской крови. Я должен кому-то служить.

Бруджа нащупал бокал и, не отрывая взгляд от Роберто, сделал маленький глоток.

– Я мог бы поехать в Россию, забрать шкатулку и использовать ее самостоятельно, – продолжил Чернышев. – Но я понимаю, с какими рисками это связано. Начнем с того, что я не смогу включить...

– Активизировать, – эхом поправил русского Бруджа.

– Я не смогу ее активизировать, придется обратиться к знающим людям. Соответственно, или с вашей, или с их стороны. О шкатулке узнают. У меня ее отберут.

– Ты умен, чел Роберто.

– Поэтому я пришел к вам. Я рассудил, что пусть лучше у меня будет надежный друг и покровитель, чем непредсказуемый сувенир от Сен-Жермена. Что скажете?

– Почему ты не пошел к моим врагам?

Чернышев замер. Замолчал. Отвернулся, словно вопрос барона был ему неприятен.

– Почему ты не обратился к моим врагам? – нахмурился Бруджа.

– Потому что они ничего не сделали для того, чтобы остановить красное колесо, – скринулся русский граф. – Потому что они смотрели, как пришлые твари вырезают цвет моей нации, и ничего...

– Они не имели права вмешиваться, – усмехнулся Александр. – И, судя по твоей осведомленности, ты не можешь этого не знать. Существует договор.

– Плевать на договор!

– В общем-то, я с тобой согласен, – после очередной паузы произнес барон. – Договариваться с челами – действительно последнее дело.

– Моя семья потеряла все. – Чернышев уже взял себя в руки, его голос прозвучал довольно спокойно. – А они могли это предотвратить. Значит, они мои враги.

– Не стану тебя переубеждать. – Бруджа поднялся, долил в бокалы вина и поинтересовался: – А как ты узнал о нас?

– Будучи в Москве, я случайно оказался на лекции профессора Серебрянца. Все остальные воспринимали его истории как легенду, как красивую сказку, а я... я верил. Я поверил сразу. Я знал, что успехи, которых добилась моя семья в девятнадцатом веке, не случайны. Я верил в сказки.

– Могу только порадоваться за тебя.

– Среди прочего профессор рассказывал и о масанах. О вражде Камарилла и Саббат. Я вернулся в Рим и подумал: «Почему нет?» Почему бы в Италии не жить масанам? И начал искать, анализировать, наблюдать за людьми, которые отличаются от других.

– Ты упорный человек.

– Я – русский.

– Ты – русский.

Александр произнес эту фразу на языке Пушкина. Произнес без всякого акцента, на чистом русском языке. Произнес, двумя словами подтвердив все, о чем только что говорил Роберто. Чернышев улыбнулся и чуть склонил голову:

– Спасибо. – Помолчал. – Я искал, и я нашел вас, кардинал Александр Бруджа. Я знаю, кто вы. Я знаю, что только вы сможете использовать шкатулку по-настоящему. Использовать так, чтобы мир вздрогнул. И я хочу быть рядом с вами.

Глава 1

«Что скрывает полиция? Вот уже несколько дней Москву будоражат слухи о череде странных убийств, произошедших – и продолжающихся? – на улицах мегаполиса. Несмотря на то что преступления совершались в разных районах города, почерк во всех случаях одинаков: смерть жертвы наступала от огнестрельного ранения в шею. Пресс-служба департамента полиции пока никак не комментирует происходящее и не спешит увязывать преступления в единую цепь. Но, как стало известно нашим корреспондентам...»
(«Московский Комсомолец»)

«О чем думают Великие Дома? Набег мятежных масанов продолжается уже третьи сутки, убито два люда, убит любимец публики DJ Канций, мы уже не говорим о челах! Из дома невозможно выйти, чтобы не наткнуться на прилюдного кровососа, а пресс-служба Великого Дома Навь продолжает отделяться общими фразами. Жители Тайного Города возмущены трагическими смертями и задают вопрос: когда же Темный Двор приструнит распоясавшихся?...»
(«Тиградком»)

* * *

Молодежный клуб «ТарантасЪ».
Москва, улица Красноказарменная,
2 ноября, вторник, 17.58

– Они повсюду. Они рядом. Они жаждут крови! Твоей крови!!

На экране телевизора известный актер, слегка похожий на епископа клана Носферату, увлеченно *высушивал* податливую девушку пластиковыми *иглами*. Для придания мизансцене дополнительного шарма режиссер распорядился задрать жертве юбку, и обнажившиеся коленки судорожно терлись одна о другую.

«Ноги неплохи», – машинально отметил Харций, дожевывая бутерброд. Такие детали концы никогда не оставляли без внимания.

– Они способны обратиться в туман или взять тебя под гипнотический контроль! Они быстры и коварны!

Теперь актер зловеще вышагивал по улицам Тайного Города, пугая детей и взрослых. Харций зевнул. Он знал, что ушлые шасы не заплатили герою ролика ни копейки: сказали, что проводят пробы для нового блокбастера, отсняли нужные эпизоды и смылись, пообещав обязательно перезвонить. Откуда бедолаге знать, что его физиономия украсила все рекламные блоки «Тиградком»? Программы этого канала не предназначены для широкой публики.

– Будь готов к встрече! Купи «Протуберанец» – новейший артефакт, создающий кратковременный поток настоящего солнечного света! «Протуберанец»! Последняя разработка магических мастерских семьи Шась, гарантирует безопасность и рекомендован гарками Темного Двора...

Насчет рекомендации элитных воинов Нави режиссер, пожалуй, переборщил: во-первых, их кровь сама по себе являлась для вампиров отравой, во-вторых, магия масанов на темных не действовала, так что навам никогда не приходило в голову изобретать специальные

обереги. Все остальное соответствовало действительности: если успеешь активизировать артефакт, масану придется несладко – солнечные лучи для него губительны.

Экранный злодей позорно убегал от обладающего чудесным амулетом юноши, над Тайным Городом всходило Солнце, все улыбались.

– «Протуберанец», – хмыкнул Харций, допивая газировку.

Ураган рекламы антивампирских артефактов обрушился на жителей Тайного Города одновременно с первыми сообщениями о появлении масанов Саббат. Оборотистые шасы создали ажиотаж, за несколько часов распродали десятилетние запасы магических амулетов и в спешном порядке ковали новые – «улучшенные», «более современные и эргономичные», с бесплатными приложениями или...

– Если вы приобретете два «Протуберанца» прямо сейчас, то третий, для вашего ребенка, вы получите совершенно бесплатно. То есть даром! И в дополнение – удобный ремешок, чтобы носить артефакт на груди! Торопитесь, количество предложений ограничено!

Некоторые наблюдатели осторожно намекали, что именно из-за успешного бизнеса Торговой Гильдии навыв не торопятся уничтожить проникших в город убийц. Разумеется, все это слухи и домыслы, но, с другой стороны, налоги шасы платят Темному Двору...

Харций доел, смахнул опустевшую банку и пластиковую тарелку из-под бутербродов в мусорную корзину, выключил телевизор и выбрался из кресла. Открытие клуба «ТарантасЪ» было назначено на семь вечера, конец суетился с самого утра, и десятиминутный перерыв на обед стал единственной паузой за весь суматошный день.

– Любимые, я рад... Нет, «любимые» – это обращение Птиция, надо быть оригинальным. Дорогие друзья! Избито...

Харций остановился перед зеркалом в рост – обязательным аксессуаром кабинета любого конца – и решил наскоро повторить речь. Текст он подготовил и заучил давно, но до сих пор не решил, как следует обращаться к публике.

Харций открывал «ТарантасЪ» не для Тайного Города, а для челов: клуб располагался неподалеку от Энергетического института, и планировалось, что основными клиентами станут студенты. Конец предусмотрел и бильярдную, и бар, и дискпол, и, разумеется, небольшой зал игровых автоматов. Последний официально не принадлежал клубу, но попасть к «одноруким бандитам» можно было без особых усилий. Харций вложил в первое самостоятельное дело все сбережения, да еще и занял крупную сумму, но не сомневался, что заведение станет приносить устойчивую прибыль. Его не смущало даже наличие неподалеку трех аналогичных клубов – концы веками оттачивали мастерство шоуменов, так что публика выберет лучшее. Вот только... как же правильно обратиться к проклятым челах в первый раз?

– Ребята! Гм... не слишком панибратски?

– Не-а, не слишком. Мне нравится, мля!

Харций вздрогнул и недовольно посмотрел на вошедшего в кабинет уйбуя Копыто Шибзича.

– Стучаться надо.

– Угу.

Копыто плюхнулся в гостевое кресло, приложился к фляжке – по кабинету поплыл аромат дешевого виски – и поинтересовался:

– Кривляешься?

– Репетирую.

Уйбуй поощрительно рыгнул и осклабился. Харций вернулся во главу стола, и несколько секунд конец и Красная Шапка молча смотрели друг на друга.

Вряд ли можно было представить себе более непохожих собеседников. Пока полненький Харций оделся довольно скромно: канареечный пиджак в зеленую клетку, розовая рубашка и оранжевый галстук, но планировал сменить костюм на более яркий к празднику. Жилистый,

похожий на злую обезьянку Копыто никогда не вылезал из кожаных штанов, жилетки и красной банданы, а сегодня, учитывая время года, к ним добавилась еще и кожаная куртка. Пальцы конца были густо унизаны перстнями, в левом ухе висела серьга с изумрудом, а над галстуком пролежала толстая золотая цепь. Уйбуй же отдавал предпочтение татуировкам, густо покрывающим все тело, и оружию – на поясе висели кобура с пистолетом и ятаган. Объединяли Харция и Шибзича невысокий рост да полное отсутствие растительности на головах.

И некоторые совместные дела.

– Мы, в натуре, все закончили. Как договаривались, мля.

– Да, – со вздохом признал конец. – Вы все сделали.

Не то чтобы Харцию нравилось общаться с Красными Шапками, но иногда сотрудничество с ними было выгодным шагом. К тому же Копыто не зря считался одним из самых вменяемых уйбуйев: он понял, чего хочет конец, всего лишь с третьего раза и сделал все как надо. Ночью десятка Копыто основательно отметелила местную шпану – Харций решил, что превентивные меры не помешают, а до этого дикари несколько дней вкалывали на подсобных работах: устраняли мелкие недоделки, мыли полы и туалеты, таскали мебель, аппаратуру, ящики с продуктами и выпивкой. Судя по старательности, с которой трудились Красные Шапки, десятка прочно сидела на финансовой мели, и нареканий к ним у Харция не было... К сожалению, не было, ибо пришла пора платить за услуги.

Копыто глотнул еще виски и важно произнес:

– Ну, давай посчитаем.

В устах не отличающегося любовью к арифметике дикаря фраза прозвучала несколько необычно, но конец, подавив усмешку, покладисто согласился:

– Давай.

– Мы все сделали, что ты просил?

– Все.

– Этих... претензий нету?

– Нет.

– Тогда...

– Подожди, – торопливо произнес Харций. – Мы еще договаривались, что ты с ребятами приедешь через месяц. Устроим ограбление...

– Типа ограбление, – важно уточнил Копыто.

– Ага, типа ограбление.

– Мы забираем кассу, ты жалуешься в полицию, и тебе снижают налоги.

– Точно! А ты получишь половину кассы!

О том, что он к тому времени застрахуется в человской компании и заработает еще и на этом, Харций благоразумно промолчал. Да и вряд ли бы уйбуй его понял.

– А теперь давай деньги.

– Так мы же договорились: половина кассы! – Конец натурально округлил глазки. – Это очень приличная сумма. Приходи через месяц.

Но дикарь не позволил сбить себя с толку.

– Половину кассы я получу за то, что тебя ограблю. – Копыто сделал большой глоток виски, и Харций пожалел, что не приказал бармену спрятать спиртное: благодаря кукурузному пойлу уйбуй демонстрировал чудеса сообразительности. – Ты деньги плати за то, что мы на тебя горбатились, мля. Как эти... папы карлы, мля.

Конец жалобно вздохнул и опустил плечики. Его округлые щечки немножечко побледнели, а в глазках появилась неподдельная грусть.

– Увы, Копыто, но клуб только открывается, и свободных средств нет совершенно. Думаешь, я от хорошей жизни придумал эту историю с ограблением?

– Как откроешься, так и закроешься, – пожал плечами уйбуй. – А если мы все автоматы поколотим, и дискотеку поколотим, и бар поколотим, сюда даже челы не придут. Не такие они идиоты, чтобы по пепелищу бегать.

– А я в Зеленый Дом пожалуюсь, – с тщательно сыгранным простодушием произнес Харций.

– А мы скажем, что ты нам за работу не заплатил.

– А разве я обещал?

Шибзич занервничал и почесал под банданой.

– А разве нет?

– Я тебе сказал: «Копыто, помоги», – с максимально возможной кротостью напомнил конец. – И ничего не говорил о том, что я тебе за это заплачу.

– Не говорил?

– Ни слова.

– И не собирался платить?

– Я думал, мы друзья.

– Тогда зачем ты грозишь, что пожалуешься королеве?

– А если бы тебе клуб поколотили, ты бы кому жаловаться стал?

– Фюреру.

– А у меня фюрера нет. Поэтому я сразу к королеве.

Это прозвучало логично – фюрер у концов на самом деле отсутствовал. Но самое страшное, что после очередного глотка виски Копыто вспомнил давешний разговор: конец **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** ничего не говорил об оплате. А сам уйбуй, обрадованный весьма кстати наметившимся заработком, не спросил. И бойцы не спросили, будучи уверены, что десятник обо всем позаботился. Копыто с тоской понял, что, если он не принесет деньги, у десятки, вполне возможно, появится новый уйбуй.

Но ведь проклятый конец на самом деле имеет право не платить!

– Ты эта... Харций, без ножа режешь, – жалобно протянул Копыто. – А ведь мы, эта... друзья.

– Вот я и решил, что ты мне по дружбе помогаешь! – В голосе конца, все еще печальном, появился намек на энтузиазм. – Обрадовался безумно: чтобы в нашем мире, подлом таком и несправедливом, встретить столь бескорыстного воина...

– Да уймись ты!

– Нет, ты вспомни, как я обрадовался! – начал наседавать Харций. – Кормил твоих бойцов бесплатно, раз! – Днем дикарям выдавали по два пакетика чипсов. – Поил бесплатно, два! – Утром Красные Шапки получили бутылку виски на всех. – Как к родным относился, право слово!

– Родня, мля!

Копыто задумчиво положил ладонь на рукоять ятагана, и почти сразу же, словно прикосновение к оружию пробудило доселе дремавшие инстинкты, в маленьких глазках уйбуя вспыхнул недобрый огонек. Но Харций был готов к такому развитию событий. Конец прекрасно понимал, что, даже если Шибзич сломается и не станет доводить дело до скандала, его бойцы поведут себя иначе. А получить десять разъяренных дикарей за час до открытия заведения концу хотелось еще меньше, чем платить им за работу.

– Копыто! Я понял, как мы можем договориться!

Радости и оптимизму в голосе Харция позавидовал бы даже прожженный продавец Иговы. Уйбуй, почти решившийся пустить концу кровь, поперхнулся от неожиданности:

– Что значит договориться, мля? О чем? В натуре, больше я на тебя и пальцем не пошевелю.

– А грабить через месяц будешь?

– Грабить буду, – после короткой паузы подтвердил Копыто. – Если ты еще жив будешь. А пальцем шевелить, в натуре, не стану.

Харций, которому не хотелось искать других исполнителей для сомнительного мероприятия, приободрился.

– Значит, насчет грабежа все в силе... это хорошо. А за сегодняшнее ты меня извини: я ведь правда не подумал, что ты денег захочешь. Решил, что по дружбе помогаешь. Да и наличных у меня нет совсем, только на обои пять тысяч ушло.

Копыто покосился на крашенные стены, но промолчал. Пальцы, разжавшиеся было во время энергичного вопля конца, вновь сдавили рукоять ятагана. Тем временем Харций перегнулся через стол и проникновенно поинтересовался:

– А хочешь, я тебе свой счастливый артефакт подарю?

Пальцы молниеносно разжались.

– В котором ваша семейная тайна хранится? – жадно спросил Шибзич.

На протяжении тысяч лет все расы, с которыми доводилось контактировать концам, пытались вывести их главный секрет, узнать, что же на самом деле позволяет маленьким, толстым и лысым продавцам легкой жизни пользоваться бешеной популярностью у женщин любых семей. Почему даже самые неприступные стервы становятся в их руках послушными игрушками. В ход шли все средства: увещевания и уговоры, кропотливые научные исследования и даже пытки, но концы всегда проявляли удивительную стойкость и молчали, как чуды на параде.

– Нет, – рассмеялся Харций, – семейную тайну я тебе не отдам. Зато подарю очень ценный артефакт.

– Какой еще артефакт? – набычился уйбуй. – Чего ты меня, в натуре, разводишь? Пальцы гнуть не устал? Деньги давай, мля, а то я за себя не ручаюсь, клянусь агрессией Спящего!

– Артефакт называется «Повелитель вероятностей», – спокойно произнес конец. – Очень ценная вещь. Раритет.

– Чего?

– Вот чего! – Харций с важным видом выложил на стол медальон на цепочке. – Раритет! Теперь таких не делают!

С одной стороны желтый диск покрывали причудливые концевские письмена, с другой в него был вплавлен зеленый камешек.

– Золото?

Уйбуй жадно схватил медальон.

– Какая же ты дуби... – Конец осекся: не следовало грубить еще не заглотившему наживку дикарю. – Копыто, ценность не в том, что это золото. А в том, что с этим артефактом ты будешь выигрывать в карты. Это «Повелитель вероятностей»! Раритетная вещь!

«Раритетный» артефакт сделал то ли дедушка, то ли прадедушка Харция. Был «Повелитель» одноразовым, после выработки магической энергии восстановлению не подлежал и от долгого хранения почти разрядился. Жить артефакту оставалось от силы пару дней, и наглые шасы, увидевшие сей недостаток, а также просчитавшие крайне невысокий уровень заложенного в медальон заклинания, предложили Харцию настолько смешную цену, что, даже отчаянно нуждаясь в деньгах, конец гордо отказался. В Тайном Городе подобные артефакты мало кого интересовали, продавать на сторону было опасно – за нарушение режима секретности Великие Дома по голове не гладили. Играть же с челами самостоятельно Харций после длительных раздумий не решился. Хоть он и верил в мудрость создавшего артефакт дедушки (прадедушки?), вероятность проигрыша все равно оставалась, а конец слишком серьезно относился к открытию клуба, чтобы рисковать. К тому же Великие Дома без восторга смотрели на использование игровых артефактов в чловских казино Москвы, а уезжать из города Харций в ближайшее время не собирался.

– Видишь, какой я тебе подарок делаю? Царский подарок. А все из-за нашей с тобой дружбы.

– Так он эта... чтобы в карты выигрывать?

– Почти всегда, – подтвердил конец и прикусил язык.

– Что значит «почти»? – немедленно спросил Копыто. Действие виски еще не закончилось, и уйбуй оставался внимателен.

– Он управляет вероятностями, а не обеспечивает победу, – объяснил Харций, кляня себя за болтливость. – Делает вероятность твоего выигрыша максимальной.

– Это как?

– Ну, нужен тебе, скажем, валет. Какова вероятность, что он тебе придет?

– Не знаю.

– Маленькая вероятность, маленькая! – Конец решил не утомлять дикаря ненужными цифрами. – А «Повелитель» делает ее максимальной. Не стопроцентной, но максимальной. Очень большой.

– Кого ее?

– Вероятность.

Копыто прищурился, пытаясь припомнить, о чем Харций говорил только что.

– И валет придет?

– С большой вероятностью.

– Придет или нет?

– Скорее всего.

– А если не придет?

– Останешься без валета.

– И что?

– Ничего.

Уйбуй всерьез задумался. Харций побарабанил пальцами по столешнице, посмотрел на часы, мысленно застонал – пора, пора! – и с тщательно скрываемой злобой посмотрел на загибающего пальцы собеседника: дикарь что-то подсчитывал.

– Копыто!

– Харций, мы, в натуре, работали долго и еще сегодня ночью дрались. Это, мля, стоит больше, чем маленький золотой медальон и подозрительная цепочка...

Конец выругался громко и с наслаждением. Выругался цветасто, заковыристо, выругался так, как привык, работая в баре «Кружка для неудачника», единственном человеческом заведении Тайного Города. Вечные клубы табачного дыма вгоняли жизнерадостного конца в тяжелую хандру, и он так старательно учился выражать свое неудовольствие по этому поводу, что теперь его умение ругаться заставляло завистливо всхлипывать самых отъявленных матерщинников Тайного Города.

Когда конец закончил, уйбуй уважительно присвистнул и кивнул головой:

– Круто, мля. Научи!

– Копыто, артефактов, которые гарантированно дают тебе нужную карту, не существует, – устало произнес Харций. – Или ты берешь «Повелителя», или иди к своим бойцам и рассказывай, что деньги будут через месяц. Все. Мне надоело. А если ты меня убьешь, денег точно не увидишь.

– Расслабься, – посоветовал Шибзич, сгребая со стола медальон. – Возьму я твой артефакт. Только не сразу возьму, а как бы на проверку. Если он не работает и я, в натуре, проиграю, то верну его тебе. Договорились?

В данном случае это был наилучший вариант. Харций кивнул:

– Договорились.

– И еще две бутылки виски мы у тебя возьмем, – уверенно сообщил Копыто, почуявший, что Харций дал слабину. – И еще...

– Не увлекайся! Две бутылки виски, и все. – Конец протянул руку: – Дай я артефакт активизирую.

* * *

Офис клана Треми.

Москва, улица Вятская, 2 ноября, вторник, 19.03

Жители больших городов не часто задумываются над тем, что скрывают те или иные здания. К домам привыкаешь, они кажутся похожими друг на друга, на них не обращаешь внимания, и постепенно становится безразлично, что находится по ту сторону каменных стен. Да и что там может быть? Квартиры или офисы, гаражи или мастерские, склады или цеха – все, что угодно. Мельком увидев строение, мы машинально относим его к той или иной категории и сразу же забываем: чтобы привлечь внимание, городской дом должен быть весьма и весьма необычным. А мрачное, похожее одновременно и на склад, и на подержанную крепость строение на Вятской улице таковым не было. К шедеврам архитектуры не относилось. «Нечто промышленное», – подумает прохожий и пойдет себе дальше. Неинтересно. Обыкновенно. Откуда знать прохожему, что в здании разместился не гараж и не портняжная мастерская, а офис Треми, одного из кланов московских вампиров.

– Сегодня мы работаем в центре, – произнес Захар Треми. – С севера наша зона ограничена Садовым кольцом, с запада – Новым Арбатом, а с востока...

На стене кабинета, прямо за спиной епископа, висел огромный монитор, на который программисты вывели карту города. По мере того, как боевой лидер клана Треми определял границы, зона ответственности окрашивалась в синий цвет.

– Как видите, территория не очень большая, но «ласвегасы» дают высокую вероятность встречи с опытными воинами противника, так что надо действовать внимательно и осторожно. Проверяем каждую щель, каждый переулок, каждый дом.

– Не впервой.

– Да, – согласился епископ, – не впервой.

Юнцов «с кривыми *иглами*»¹ на инструктаже присутствовало трое, остальные – проверенные бойцы, побывавшие с Захаром не в одной драке и хорошо умеющие охотиться на мятежных соплеменников.

– Временем мы не ограничены. Работаем тщательно, до самого утра. Если заканчиваем раньше – начинаем заново.

– То есть не торопиться? – хмыкнул кто-то.

– То есть мы должны гарантировать, что в зоне нет ни одного мятежника.

Как и все собравшиеся в комнате вампиры, Захар предпочел одежду простую и прочную: удлиненная кожаная куртка, спортивного покроя брюки, мягкие ботинки. На плече вышита лунная корона – символ епископского титула, на спине замерла рогатая ящерица – герб Треми. Но и без этих, понятных любому жителю Тайного Города символов было заметно, что Захар привык приказывать, а не подчиняться. Повелительный взгляд, властные жесты, уверенный голос – епископ был прирожденным лидером.

– Прошлой ночью мятежники убили еще восьмерых. В том числе – троих жителей Тайного Города. – Захар обвел взглядом притихших соплеменников. – Вы все смотрите «Тиград-

¹ Масанская идиома.

ком» и видите, что с каждым часом неудовольствие среди сограждан нарастает. В наших интересах отбить набег как можно быстрее.

Нападения мятежников из Саббат – отступников, ненавидящих Тайный Город, – не были редкостью. Темный Двор организовывал «походы очищения», мятежники отвечали неожиданными выпадами, так продолжалось не одно столетие, и главная задача при отбитии набега сводилась к минимизации потерь. В этом случае жители Тайного Города не успевали впасть в шовинистические настроения и перенести свою ярость на всех масанов, невзирая на секту, а заодно – на покровительствующих им навов. Обычно с нападением удавалось справиться быстро, но на этот раз в город проникло слишком много мятежников.

– Есть хорошие новости, – продолжил Захар. – Нас снова стало больше: подтянулись хваны.

– К финалу, – буркнул кто-то из задних рядов. – Когда надо было город патрулировать, они не спешили, а последних добить – пожалуйста.

– «Последних» может оказаться не меньше десятка, – холодно ответил епископ. – И это не молодняк, а опытные бойцы, так что поддержка четырехруких не помешает.

Если в первые часы набега мятежникам противостояли только воины Великого Дома Навь: гарки и масаны, то уже следующей ночью на улицы вышло гораздо больше охотников. Сантьяга, комиссар Темного Двора, объявил выгодный контракт на мятежные головы, и под его крыло сразу же потянулись свободные наемники, а следом за ними и воины других Великих Домов – грех не воспользоваться случаем.

– Теперь последние оперативные данные. – Захар посмотрел на монитор ноутбука. – Гангрелы обнаружили лежище мятежников в Филях. Сейчас там идет бой.

– Как нашли?

– Саббаты откликнулись на Зов.

– Молодняк! – презрительно махнул рукой один из вампиров.

– Но злобы в них не меньше, чем в стариках. И убивают они не хуже, – отрезал епископ. – В общем, Гангрелы хорошо поработали, и мы, уверен, им не уступим.

* * *

Игорный дом «Два Короля».

Москва, улица Большая Каретная,

2 ноября, вторник, 21.21

– Нет, вы представляете? Он мне говорит: «Милочка...» – Леночка Жмурова, начинающая поп-певица, скривила губки и выразительно посмотрела на сидящего в кресле Никиту Крылова. – Представляешь? Мне! «Милочка»!

Тон и поза будущей звезды не оставляли сомнений в том, что она возмущена до глубины души.

– Ужасно, – неохотно буркнул мужчина.

Воодушевленная Леночка усмехнулась и с удвоенным пылом продолжила рассказ:

– Так вот. Потом он мне говорит: «Милочка, у вас очень слабый голос». У меня!

И вновь выразительный взгляд. Правда, на этот раз Никита не сразу понял, что пора подержать разговор. Несколько секунд он молча смотрел на девушку, ожидая, что она продолжит повествование, не дождался и посочувствовал:

– Ужасно.

– Он сказал это о моем голосе, – уточнила будущая поп-дива.

– Ужасно, – в третий раз повторил Крылов.

Эльдар Ахметов, друг и компаньон Никиты, совладелец «Двух Королей», с трудом подавил смех – со стороны кресла послышалось лишь тихое всхлипывание. Его подруга, эффектная брюнетка Анна, взяла бокал и сделала долгий глоток коктейля.

Крылов едва заметно покраснел. Несмотря на положение, несомненный ум и богатство, Никите очень не везло с противоположным полом. В смысле, у него была дурная привычка увлекаться совершенно неподходящими женщинами: безголовые мастерицы клубных дел, хищные охотницы за состоянием, бесталанные певички. Крылов прекрасно знал о своей слабости, но поделаться ничего не мог. Распрощавшись с очередным кошмаром, он едва ли не в тот же день ухитрился отыскать новый, вызывая искреннее удивление у друзей, – ведь, помимо положения в обществе, Никита обладал недурной внешностью: спортивная фигура, светлые волосы, живые голубые глаза – викинг, да и только. И тем не менее...

– Никита, милый, зачем ты нашел мне этого старика?

– Георгий Станиславович лучший учитель вокала в Москве, – угрюмо ответил Крылов. – Я уже говорил.

– Я помню, – махнула ручкой Леночка. – Но ведь он такой старый, что уже совершенно ничего не слышит. И не понимает совершенно ничего! Он мне говорит: «Милочка, тяните ноту...» Господи, пошлость какая. Что я ему, оперная, что ли? Какие еще ноты? Компьютер в студии для чего? Я ему говорю: «Фабрику звезд» посмотрите! Разве там ноты тянут?» Надо быть современнее...

– А он? – заинтересовался Эльдар.

– А он мне: «Милочка, я развожу породистых скакунов, а не водовозных кляч». Это он-то разводит, да? Тоже мне авторитет выискался...

– В данном случае слово «разводить» использовалось в своем подлинном значении, – обронила Анна. – Смысл примерно такой: выращиваю, воспитываю. Георгий Станиславович не имел в виду, что отнимает у животных деньги.

Эльдар вновь хмыкнул. Никита внимательно посмотрел на Анну. И в очередной раз подумал, что Ахметов, в отличие от него, умеет выбирать женщин. Красивая, элегантная и умная Анна выглядела настоящей пантерой, Леночка на ее фоне смотрелась в лучшем случае домашней кошечкой. Безголосой и безголовой.

– Я тоже подумала, что старикан слова перепутал, – согласилась Леночка. – А это ужасное «милочка»?! Ты представляешь?

– С трудом, – улыбнулась Анна. – Он тебя все время так называл?

– Почти.

– Очень обидно.

– Он мне говорит: «Вам, милочка, и надо на „Фабрику звезд“. Мне!! Представляешь?! Я ему говорю: „Да у меня два клипа на MTV в ротации и на трех радиостанциях... Я Жмурова, а это, между прочим, имя!“

– В общем, с Георгием Станиславовичем ты поругалась? – подал голос Крылов.

– Милый, ты на меня не сердись? – Леночка прильнула к Никите и умильно заглянула ему в глаза. – Я совсем-совсем не хотела ругаться. Но он...

– Забудь. Все в порядке.

Крылов понимал, что если и надо сердиться, то только на себя. Перед стариком Никита уже извинился, а заодно убедился в правильности мимолетного замечания Анны: «Может, имело смысл сначала научить девочку пению, а уже потом оплачивать видеоклипы?» Увидев себя по телевизору, Леночка перестала адекватно оценивать происходящее.

– Он был груб со мной.

– Да зачем тебе ноты, на самом деле? – негромко произнесла Анна.

Глубокий голос с легкой женственной хрипотцой, чарующий, привлекающий внимание. Анна произнесла слова тихо, но и Эльдар, и Крылов молниеносно обернулись в ее сторону.

– Вот и я говорю! – Леночка, обрадованная тем, что скандала не будет, охотно развила тему: – Жмурова – это имя! При чем тут «Фабрика звезд»? Я сама звезда!

Никита вздохнул и посмотрел на вошедшего в кабинет человека:

– Да, Володя.

– Есть тема, – негромко произнес мужчина.

– Какая?

Безопасностью игорного дома занимался Эльдар, Владимир Даньшин был его правой рукой, профессионалом, умело управляющимся и с персоналом, и с техникой. В свое время он прошел стажировку в Лас-Вегасе и заслуженно считался одним из лучших специалистов по безопасности игорных заведений в Москве.

– Приехали люди от Давида.

Крылов и Ахметов переглянулись. Анна, уловив возникшее напряжение, поднялась:

– Мужчины, мы подождем вас в ресторане.

– Я не хочу в ресторан, – надула губки Леночка.

– Пойдем, – улыбнулась Анна. – Я совсем забыла рассказать, что на Смоленке открыли новый бутик.

– Чей?

Волшебное слово «бутик» сыграло роль повода, и можно сказать, что из кабинета Крылова вышла дама с собачкой.

Никита, дождавшись, когда за девушками закроется дверь, посмотрел на Даньшина.

– Кто приехал?

– Шестерки, – небрежно ответил Владимир. – Проверить, не передумали ли мы.

– Я не передумал, – отрезал Крылов. – Все останется как есть.

Давид Цвания был уважаемым и известным человеком в московском игорном бизнесе, владельцем казино «Изумруд», но все знали, что за Цвания стоит Автандил Гори, лидер весьма крупной преступной группировки. «Два Короля» приносили неплохую прибыль, входили в пятерку самых популярных игорных домов города, и не было ничего странного в том, что бизнесом заинтересовались. Крылову и Ахметову поступило предложение поделить акциями, но друзья уперлись. Когда-то, в лихие девяностые, подобная принципиальность могла стоить им жизни, но теперь предпочитали договариваться, и некоторое время Давид поднимал цену, надеясь, что Крылов и Ахметов одумаются. Когда же это не помогло, прошли довольно жесткие переговоры, в ходе которых стороны решили выяснить отношения за карточным столом. Не самая здравая мысль, конечно, но Гори не хотел шума, и найденный выход был последней возможностью не переходить к горячему конфликту. Никита, которому тоже не хотелось воевать, согласился.

– Все останется как есть, – повторил Крылов. – Мы сыграем.

И его взгляд, как всегда в минуты раздумий, устремился к стеклянным дверцам стоящего напротив стола шкафа – предмета особой гордости Никиты. Триста двадцать семь экспонатов, связанных с азартными играми, прекрасная коллекция, включающая старинные карты и фишки первых казино Лас-Вегаса, гравюры, литографии и книги.

– Мы поставим на кон «Два Короля» и выиграем. – Никита перевел взгляд на Эльдара: – Пожалуйста, съезди к Давиду лично и обсуди с ним все подробности игры.

– О'кей.

– Володя, до среды ты должен быть предельно внимателен: нам не нужны провокации.

– А после среды?

– А после среды будет видно, – усмехнулся Никита, выбираясь из кресла. – Володя, я иду в туалет, а потом в ресторан. Сделай так, чтобы, когда я выйду в зал, приبلудных шестерок поблизости не было.

* * *

*Москва, улица Большая Каретная,
2 ноября, вторник, 23.52*

Вернуться из набега на Тайный Город удавалось немногим, да и сама философия этих атак не предполагала возвращения: месть была их смыслом. Напитать проклятые камни ненавистой кровью, убивать, убивать и еще раз убивать. *Высушивать*, пока не затупятся *иглы*, пока не станет плохо от украденной силы, переводить дух – и снова *высушивать*. И погибнуть в бою с карателями. Погибнуть, но показать, что дух Саббат не сломить. Что масаны по-прежнему готовы отдавать жизнь за свободу и никому не удастся накинуть рабский ошейник на гордых воинов ночи.

Возвращались единицы, а потому Людвиг Робене считался в клане настоящей легендой: восемь набегов. Восемь вытатуированных на левом предплечье иероглифов «плак» – «свобода». И восемь шрамов на сердце – скорбь по потерянным друзьям. В каждый следующий набег Людвиг отправлялся еще более ожесточившимся и в то же время – еще более хладнокровным, выдержанным. Он никогда не думал о возвращении, никогда не уклонялся от схваток, но всегда просчитывал шансы, уверенно выбирая наиболее оптимальный способ действий, и покидал Тайный Город со щитом.

А вот Басул Турчи насчет ошейников и поводков не беспокоился, и вся его родня не беспокоилась, и вся семья тоже. И это несмотря на то, что шасы были вассалами Темного Двора столько тысяч лет, что даже Спящий сбился бы, подсчитывая их. Как склочным торговцам удалось прибиться к неуживчивым навам, историки спорили до сих пор. По всем выкладкам получалось, что темные должны были вырезать вечно недовольных всем и вся шасов при первой же встрече. В свою очередь, ненавидящие насилие торговцы обязаны были держаться от беспощадных навов как можно дальше. Но одни не вырезали, а другие не стали держаться подальше, так и жили с тех пор вместе, плечом к плечу преодолевая все катаклизмы, да еще умудрялись сосуществовать со сварливыми эрлийцами и осами, баллады которых могли свести с ума мага любого уровня. Темный Двор иногда сравнивали с кучей ошестинившихся ежей и при этом удивлялись: как получается, что практически все иголки направлены вовне?

Насчет иголок Басул Турчи тоже не волновался. Он продавал сувениры, а не швейные машинки. Басул Турчи беспокоился только насчет того, что начинает накрапывать холодный ноябрьский дождь, а он, задержавшись у телевизора, до сих пор не закрыл витрину металлическими ставнями. В принципе, нехитрая операция легко выполнялась прямо из магазина нажатием пары кнопок на пульте, но нижний край ставен рекомендовалось фиксировать на маленький замочек, что дотошный Басул аккуратно проделывал каждый вечер, перед тем как отправиться спать в квартиру на втором этаже.

Шас накинул плащ, взял зонтик, вздохнул и решительно направился к дверям: он не мог бросить хозяйство на произвол судьбы.

Людвиг сознательно не стал портить механизм ставен: учитывая осторожность шасов и то, что о набегах масанов не знают только самые пьяные Красные Шапки, хозяин лавки вряд ли отправится устранять неисправность самостоятельно, скорее вызовет ремонтную бригаду. Обследуя местность, вампир нашел торчащие из стены ушки, понял, что к ним крепится нижний край ставен, усмехнулся и принялся ждать, когда шас выйдет исполнить свой долг – в том, что торговец появится, Робене не сомневался. И не ошибся. Толстенная фигура, укрывающаяся от стихии под огромным зонтом, появилась в дверях лавки за несколько минут до

полуночи. Шас шмыгнул носом, проворчал пару слов в адрес едва накрапывающего дождя и уныло поплелся к витрине, на ходу пытаясь вытащить что-то из кармана плаща.

Клыки Людвига против воли стали превращаться в *иглы*. Вампир почуял кровь представителя древней расы: пусть шасы и не были воинами, их сила немногим уступала людям или чудам, и толстяк мог надолго обеспечить масана запасом крови.

Робене выскользнул из-за угла и бесшумно приблизился к шасу.

– Дерьмо, – пробубнил себе под нос лавочник, борясь с чем-то, застрявшим в кармане.

Людвиг наклонился вперед, иглы едва не касались шеи *пищи*, на мгновение замер, предвкушая чарующий момент *высушивания*, и уже собирался резко дернуть шаса на себя, как...

– Наконец-то!

Басул вытащил из кармана пульт дистанционного управления и нажал на кнопку. Над витриной вспыхнуло несколько ламп.

Людвиг взвыл.

Наблюдатели Великих Домов могут – потратив массу дорогостоящей энергии – вычислить местонахождение всех масанов, но определить имя-отчество каждого уже выше их сил. Поэтому охотники работали по секторам: верные Темному Двору вампиры покидали определенный район города, после чего он тщательно сканировался наблюдателями, и карательные отряды гарок вырезали всех обнаруженных кровососов. Вторым способом поиска был Зов, телепатическая связь масанов. Все пьющие кровь обладали даром слышать друг друга, и вампиры Темного Двора не прекращали ощупывать каменные джунгли, выискивая затаившихся тигров. Чтобы ответить на Зов, достаточно всего одной мысли, одного проявления чувств, бывало, что прячущийся кровосос даже не замечал осечки и сильно удивлялся появившимся как из-под земли санитарам леса. Недолго удивлялся.

Но работа по секторам отнимала много времени, на Зов откликались только молодые вампиры, старые оплошностей не допускали, вот и приходилось Сантьяге выводить на улицы воинов, надеясь исключительно на их везение.

– У меня в лампах «Протуберанцы» стоят, – с гордостью поведал Турчи из-за металлической двери лавки. – Разорился еще в прошлый набег, думал, коту под хвост деньги...

«Он обожжен, это хорошо!» Захар машинально сделал шаг назад, подальше от освещенной витрины, и отрывисто спросил:

– Куда он побежал?

– Вверх по улице.

– Я его вижу! – Гаврила Треми, один из «кривых» юнцов, которого епископ оставил при себе, набросил на территорию сканирующую сеть. – Ему плохо!

И бросился вперед. Захар собирался последовать за юнцом, но...

– Э-э... любезный!

– Да?

– Вы не могли бы защелкнуть замочек под ставнями?

Ругаться с Басулом Треми не хотел – с шасами следует поддерживать дружеские отношения, а потому епископ молча развернулся и поспешил за помощником.

– Какая невоспитанность, – буркнул Турчи. – Впрочем, что взять с кровососа?

Он убедился, что рядом с лавкой никого не осталось, выскочил на улицу, щелкнул замком и стремительно юркнул обратно.

Людвиг сидел на корточках во тьме узкой арки. На нем были плотная куртка, перчатки, брюки и тяжелые ботинки – тело от «Протуберанца» не пострадало. Зато незащищенная голова представляла собой одну сплошную рану.

– Не будешь сопротивляться – умрешь быстро и безболезненно, – пообещал Захар, вытаскивая катану.

Во внутренних схватках Тайного Города не часто использовалось огнестрельное оружие. Некоторые жители были слишком быстры, чтобы надеяться поразить их из пистолета или автомата, некоторым пулевые ранения были не страшнее булавочного укола, а некоторые просто брезговали человеческим изобретением. Добрый клинок – другое дело, ведь отрубленную голову обратно даже нав не пришьет, а посему столкновения, как правило, принимали форму рукопашной.

Тем временем Гаврила отошел в сторону и тоже обнажил меч: епископ был классным воином, но страховка еще никому не мешала.

– Нанялся палачом к навам? – зло усмехнулся Робене.

Его руки слегка подрагивали – не от страха, от боли. Но голос был тверд, в нем можно было даже уловить насмешку.

– Почему палачом?

– А кто еще убивает беззащитных?

– Разве челы и шасы достойные соперники?

– Так ведь я презренный Саббат, – криво усмехнулся Людвиг. – Я дикий зверь, лишенный разума и благородства. Мне можно убивать кого угодно! Кого захочу. А ты, епископ? Каково тебе отрезать голову беззащитному брату?

– Оставить тебя в живых? – улыбнулся Захар. – Шас сообщил о нападении, и район будет прочесываться очень тщательно. Хочешь в Цитадель? – Робене молчал. – Хочешь?

Людвиг не хотел. Но и послушно подставлять голову под катану не собирался.

Он прыгнул.

Из положения сидя, мягко оттолкнувшись, взвился в воздух, изогнулся и сразу же оказался рядом с Тремя.

– Умри!

Что он выхватил из-под куртки? Длинный кинжал? Какая разница? Захар ожидал нападения, понимал, что такой матерый масан ни за что не позволит зарезать себя, как свинью, и был готов к любому развитию событий. Элегантное движение в сторону – клинок Людвиг пронзил пустоту, а еще через полмгновения голова Робене скатилась с плеч.

Фонтана крови не было: сердце масана бьется неспешно.

Епископ сделал два шага назад, позволяя обезглавленному телу упасть на асфальт, не спуская глаз с поверженного врага, медленно вытер клинок и только после этого посмотрел на замершего помощника.

– Уснул?

– Я? Нет... – Гаврила тряхнул головой. – Он молодец, да? Он не испугался.

– Для настоящего воина обстоятельства смерти имеют большое значение, – произнес Захар после паузы. – Броситься на врага с оружием в руках или умолять о пощаде, растирая по морде сопли и слезы. Мы всю жизнь приближаемся к смерти, зачем же портить столь волнующий момент?

– Он был настоящим воином?

– Да, – кивнул епископ, – он был настоящим воином. А вот ты еще нет.

– А что случилось? – Молодой масан удивленно посмотрел на Захара.

– Челы. – Епископ Тремя указал на улицу. – Нас заметили.

– Проклятие! – Гавриле стало стыдно: увлекшись схваткой, он совершенно забыл, что должен был навести на место боя морок. – Я сейчас все исправлю.

– Вызови Службу утилизации, – буркнул Захар, – а с челами я разберусь.

Они частенько так поступали: выходили из казино и медленно шли по улице, разговаривая о чем-нибудь, делясь впечатлениями от прошедшего дня. Или просто болтали, наслаждаясь обществом друг друга. Анне нравилась ночная Москва, нравилось гулять по сонным улицам, купаясь в блеклом свете фонарей, нравилось видеть город опустевшим. На первых порах Эльдар воспринимал ночные путешествия как маленькую блажь, не самый худший недостаток, который может быть у красивой и умной женщины, а затем втянулся, и прогулки стали для Ахметова не менее приятными, чем восхитительный секс. Прогулки рождали близость.

Но не тогда, когда в разговорах затрагивались ненужные темы.

– Анна, извини, но это мои проблемы. Тебе о них знать не следует.

– Мне просто интересно, кто этот таинственный человек, из-за которого у тебя уже вторую неделю плохое настроение.

– Тебе не все равно?

– Нет. – Девушка помолчала. – Было бы все равно – использовала бы тебя только в постели.

– Использовала бы меня?

– А ты думаешь, я со всеми своими любовниками вот так гуляла по ночам?

Теперь задумался Ахметов. Несколько шагов они прошли в тишине, после чего Эльдар неохотно буркнул:

– Автандил Гори.

– Он хочет получить ваш бизнес?

– Да.

Ахметов покосился на Анну: странно, что ей оказалось знакомым имя московского уголовного.

– В свое время Автандил мешал людям, на которых я сейчас работаю. – Девушка словно прочла мысли Эльдара.

– Они отбились?

– Понятия не имею. – Анна улыбнулась. – Я не летаю настолько высоко, чтобы знать подноготную фирмы.

– Понимаю.

– А вы отобьетесь?

– Мы постараемся.

Увлечшись разговором, Анна совершенно перестала обращать внимание на происходящее вокруг. Повысился уровень магической энергии? Ну и что? Вполне возможно, в соседнем доме заработал артефакт или строит аркан маг – в Москве это происходит на каждом шагу. А когда девушка догадалась, что артефакт ни при чем, что вокруг крепко пахнет магией Крови, было уже поздно: они подошли к арке, и Ахметов услышал подозрительный звук. Удар? Шум упавшего тела? И тихие голоса.

Нахмурился и остановился:

– Кто там?

– Тебе не все равно? – Анна попыталась спасти положение. – Пойдем...

– Мне не все равно, – твердо произнес Эльдар. – Рустам, Шамиль, проверить!

Их прогулки не проходили в полном уединении: положение обязывало Ахметова никогда не расставаться с телохранителями. Вот и сейчас один медленно ехал за парочкой на «Мерседесе», второй шел по тротуару в трех шагах позади. Но даже если бы рядом не было двух боевиков, Ахметов все равно пришел бы на помощь – Анна не сомневалась в этом. Не потому, что Эльдар страдал обостренным чувством справедливости, а из-за отсутствия равнодушия. Ахметов поступал, как нормальный сильный мужчина, и девушке это нравилось.

«Вот только на этот раз лучше бы он прошел мимо!»

Телохранители двинулись к арке.

– Это ненадолго, – улыбнулся Эльдар.

Анна молча кивнула. Она прекрасно понимала, что шансов у громил нет, и искренне надеялась, что те, кто прячется в арке, почувствовали ее присутствие и обойдутся без радикальных мер.

Массивные фигуры остановились на самом краю освещенного участка, на границе заполнившей арку непроглядной тьмы.

– Что здесь происходит?

Ответа не последовало. Кто бы ни прятался в арке, он продолжал заниматься своим делом: до Анны долетели невнятное сопение и странный шорох. Рустам и Шамиль синхронно извлекли пистолеты и шагнули вперед. Девушка тихонько вздохнула: идти следовало одному, второй должен был прикрывать напарника, оставаясь на границе света и тьмы, а еще лучше – подогнать машину и осветить арку фарами. Но громилы были слишком уверены в своем превосходстве, а потому шагнули во тьму одновременно.

Примерно через полминуты Эльдар стал проявлять беспокойство.

– Рустам! Шамиль!

Ответа не последовало.

Анна задумалась. Как правильно вести себя сейчас? Забиться в истерику? Крикнуть: «Эльдар, уходим!», вцепиться в рукав и утащить в машину? Сыграть перепуганную курицу было бы самым правильным, вот только вряд ли Ахметов послушает. Эльдар не отступит, а терять лицо девушке не хотелось.

– Рустам!

Анна закурила. Огонек зажигалки на мгновение осветил тонкое лицо, полные губы, огромные глаза, словно вобравшие в себя всю чернильную чернь ночи. Спокойно выдохнула дым. Эльдар посмотрел на подругу с легким удивлением, но ничего не сказал, вернулся к изучению темного провала арки.

– Шамиль!

Анна не чувствовала опасности. Она просканировала местность, уловила остаточные следы поединка и запах масанской крови, поняла, что основная драка закончилась и охотники не горят желанием атаковать мирных чело́в. «Не успели навести морок и теперь соображают, как выйти из ситуации». Девушка едва не хихикнула.

– Оставайся здесь, – коротко приказал Эльдар.

У Ахметова не было оружия, но он шагнул в арку. Шагнул после того, как в ней сгинули двое вооруженных телохранителей. Он не мог поступить иначе. Дурь или гордость? Где грань между ними? Девять из десяти вызвали бы полицию, но Анна знала, что тогда бы ее здесь не было: заурядные мужчины девушку не привлекали.

– Рустам! Шамиль!

Ахметов скрылся в тени, откуда почти сразу же донеслась неразборчивая фраза: то ли приказное ворчание, то ли повелительный хрип. Слов девушка не разобрала, зато увидела спину Эльдара – друг шагнул назад. Медленно и не столь решительно, как при входе в арку. Причина покладистости Ахметова выяснилась почти сразу: из темноты появился пистолет, дуло которого упиралось в лоб Эльдара, затем рука, а потом мужчина в черной одежде. Лицо незнакомец закрывал платком.

– Девушка, вы не будете кричать?

– Не буду, – пообещала Анна, стряхивая пепел на асфальт. – Вам отдать драгоценности? Эльдар зарычал.

– Не надо, – качнул головой незнакомец, – я не грабитель. Просто хочу, чтобы мне не мешали.

– Что вы сделали с моими людьми? – Даже под дулом пистолета Ахметов с трудом сдерживал гнев.

– Они живы, – скупой ответил незнакомец. – Кстати, хорошо, что напомнили: пожалуйста, перенесите своих громил в машину. Я этим заниматься не буду. – Мужчина отнял пистолет от головы Эльдара и встал рядом с Анной. – Только без глупостей: одно неверное движение, и я пристрелю вашу подружку.

Ахметов угрюмо кивнул и шагнул к арке.

– Кстати, я забрал у телохранителей оружие.

Анна докурила сигарету и бросила ее в урну.

– Вы в облаве?

Несмотря на платок, девушка легко узнала Захара Трехи.

– Саббат ловим.

Эльдар, переносящий к машине второго телохранителя, не слышал тихий разговор.

– Увлечлись?

Захар удивленно посмотрел на нахальную ведьму, но промолчал и повернулся к подошедшему Ахметову:

– Уезжайте немедленно. Вот пистолеты, патроны я забрал, не обессудьте.

Эльдар сел за руль, завел двигатель, дождался, когда Анна опустится на соседнее сиденье, и надавил на газ. «Мерседес» пулей пролетел по улице, но перед самым Бульварным Ахметов резко затормозил и, не глядя на девушку, попросил:

– Дай закурить.

Анна дотронулась рукой до подбородка Эльдара, заставила повернуть голову, посмотрела в черные глаза и серьезно сказала:

– Я тобой горжусь.

Пару мгновений он пытался уловить в ее голосе издевку. Не нашел. Расслабился. И недовольно буркнул:

– Я никому не помог.

– Ты не испугался, а это главное.

На заднем сиденье сопели не пришедшие в себя телохранители. Мимо проехал белый фургон интернет-магазина «PRODAM.RU». Эльдар и Анна целовались.

* * *

Муниципальный жилой дом.

Москва, Лялин переулок, 3 ноября, среда, 08.08

Ночью ударил мороз. Без снега. Холод лишь попробовал город на вкус, остудил подъезды, подернул лужи дымкой ломкого льда, покусал неподготовившихся людей. И ушел. Как уходят передовые отряды, разведавшие подступы к крепости, – ненадолго, с уверенным обещанием скоро вернуться.

Анна сделала большой глоток обжигающе горячего кофе, с наслаждением втянула в себя зябкий утренний воздух, прозрачный и ледяной, и посмотрела вниз, во двор, где спешили к машинам люди. Новый день, новые заботы, новые планы, новые мечты. Ночь – это уже вчера. Анна снова поднесла к губам кружку.

«Кстати, о вчера... Понял ли Эльдар или кто-нибудь из его телохранителей, что произошло в арке? Будем надеяться, что нет. – Девушка раскурила сигарету и с улыбкой покачала головой: – Нет, не так: естественно, нет! Захар Трехи никогда не позволит случайным свидетелям увидеть больше положенного. Эльдар уверен, что столкнулся с преступниками или стал невольным свидетелем тайной полицейской операции. Но он не сомневается, что видел обычных людей. – Анна сделала глубокую затяжку. – Копать Ахметов не будет, он не дурак, а значит, не следует напоминать о вчерашнем».

Легкий порыв морозного ветра забежал под тонкое кимоно, скользнул по бедрам, потянулся выше, к груди. И одновременно с соседнего балкона послышалось негромкое покашливание.

- Доброе утро, Анна.
- Доброе утро, Петр Анатольевич.
- Вы прекрасно выглядите.
- Спасибо.

Они встречались каждое утро: моложавый мужчина, обремененный семьей и высокооплачиваемой работой, и красивая черноволосая девушка в легкомысленном наряде. Анна прекрасно понимала, что нравится Петру Анатольевичу, не имела ничего против мужчин в возрасте, но держала соседа на расстоянии, ибо интрижка была чревата крупным скандалом – о властном характере супруги Петра Анатольевича окружающие слагали легенды, а девушке не хотелось уезжать из хорошего дома в центре Москвы.

– Печально думать, что скоро наши утренние встречи прекратятся, – вздохнул мужчина. – Наступит зима, снег, морозы.

– И до весны мы будем видеться только на лестничной площадке...

– Самым случайным образом, – с грустью вздохнул Петр Анатольевич. – И я не буду знать, увижу вас или нет.

Он не в первый раз заводил этот печальный разговор, неуклюже пытаясь сделать Анне недвусмысленное предложение насчет встреч предстоящей зимой. Но, как понимала девушка, всякий раз перед глазами моложавого соседа вставал образ любимой женушки, и пылкие слова увязали в районе гланд, как поляки в известных болотах.

– И я...

– Анна!

Девушка бросила сигарету вниз и повернулась к балконной двери:

– Извините, Петр Анатольевич, меня зовут.

– До завтра, – кисло ответил сосед.

Анна вернулась в спальню, медленно подошла к кровати, присела и провела рукой по груди проснувшегося Эльдара.

– Доброе утро.

– Доброе утро. – Он потянулся и поцеловал девушку в губы. – С кем разговаривала?

– С соседом.

– Хм... – Ахметов приподнял брови и выразительно посмотрел на тоненькое белое кимоно. Призванное не скрывать, а демонстрировать, оно самым выгодным образом подчеркивало все достоинства великолепной фигуры Анны.

– Тебя что-то смущает?

– Мне не нравится, что он пялится на тебя.

– Но ведь он только пялится, – мягко сказала девушка, – ничего больше.

– Мне не нравится.

Анна нежно улыбнулась, склонилась к Эльдару – черные пряди защекотали грудь мужчины, внимательно посмотрела в глаза. Жест был нежный, доверчивый, податливый... Вот только ответила девушка совсем не так, как хотелось Ахметову.

– Эльдар, мы, кажется, не договаривались о праве собственности. Ты свободен, я свободна. Разве не так?

Ахметов недовольно сжал губы в тонкую линию. Но промолчал.

Анна хорошо относилась к Эльдару, но не собиралась становиться его игрушкой. Примерно раз в месяц Ахметов, как и любой нормальный мужчина, забывался и пытался навязать женщине условия. Девушка относилась к этим вспышкам философски и никогда не жалела пары минут своего драгоценного времени, чтобы привести любовника в чувство.

– Нам хорошо вместе, но мы ничего друг другу не обещали. Поэтому ты больше не будешь говорить со мной таким тоном и не будешь выставять претензии. Тем более – глупые.

В какой-то миг Анне показалось, что Эльдар ее ударит. Девушка прекрасно изучила горячий нрав друга и не удивилась бы такому развитию событий. Но Ахметов сдержался. Он, в свою очередь, прекрасно понимал, что такой поступок навсегда прекратит их взаимоотношения.

Эльдар дотянулся до прикроватной тумбочки, вытащил из пачки сигарету, раскурил, глубоко затянулся и, потянувшись за пепельницей, произнес:

– Мне все равно не нравится, что ты вертишься на балконе почти голая.

В голосе Ахметова прозвучали извиняющиеся нотки.

– Я его дразню, – улыбнулась Анна.

– И меня.

– И тебя.

Анна легла на спину, подложила под голову руки и задумчиво посмотрела на отражение в зеркале на потолке. Тонкая ткань кимоно соскользнула, открывая взгляду Эльдара стройные ноги девушки.

«Я не хочу ее терять! – Впервые эта мысль пришла в голову Ахметова столь отчетливо. – Я хочу, чтобы эта женщина всегда оставалась рядом со мной!»

Он медленно пустил пару дымных колец, задумчиво проследил за их разрушением, вновь поджал губы. Эльдар не знал, что делать.

Она не была содержанкой. Она сразу дала понять, что выбрала его не из-за денег и останется с ним до тех пор, пока сочтет нужным. Она сочтет нужным. Анна работала в крупной компании, хорошо зарабатывала и привыкла сама выбирать мужчин. Сначала Ахметов не был против условий. Ему льстила победа над столь изысканной женщиной, нравилось чувствовать восхищенные взгляды друзей и знакомых, нравилось наблюдать за атаками записных донжуанов и видеть их разочарованные лица. За последние четыре месяца Эльдар ни разу не изменил Анне. Он уже не мог представить себя без нее.

И не мог представить себя с ней.

Потому что семья Ахметова придерживалась старых традиций, и родители даже в шутку не станут рассматривать возможность подобного альянса.

Понимала ли это Анна? Наверняка. Может быть, поэтому она держала Эльдара на расстоянии, не позволяла себе чересчур увлекаться? Может, поэтому подчеркивала свою независимость? Ахметов не был уверен ни в чем, кроме одного: он влип. Нельзя уйти, нельзя остаться, но при мысли о том, что Анну будет обнимать кто-то другой, у Эльдара сводило от бешенства скулы.

– В воскресенье прилетает отец.

– Надолго?

– До вторника.

– Значит, мы не увидимся целых три дня. – Девушка поднялась с кровати. – Я сварю кофе.

И вышла из спальни.

Эльдар не сразу понял, что имела в виду Анна. А когда понял, изо всех сил ударил кулаком по подушке.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира

семьи Красные Шапки.

Москва, Бутово, 3 ноября, среда, 18.33

Резиденция Красных Шапок, по общему мнению – самой дикой семьи Тайного Города, исторически располагалась довольно далеко от центра, в тихом Бутове, в большой московской квартире. Много лет назад, когда городские власти приняли решение превратить окраину столицы в густонаселенный район, Великие Дома забеспокоились: близкое соседство дикарей и непредсказуемых челов могло привести к самым неожиданным результатам. Звучали даже предложения о переселении Красных Шапок, но дикари отбились, уговорили лидеров Тайного Города не нарушать традиций, поклялись, что будут вести себя максимально тихо, и – редчайший случай! – сдержали слово. Внутри Форта и за пределами Бутова Красные Шапки вели себя в привычном ключе, а на территории района – тише воды, ниже травы. И местные жители даже представить не могли, что порой творится за толстыми стенами аляповатого кирпичного здания, возвышающегося неподалеку от МКАД.

– Шулер, мля!

– Да кто, в натуре, шулер?!

– Ты шулер, мля!! Ты у меня все деньги выиграл!!

– А не умеешь играть – не садись! Тут тебе, в натуре, не шахматы!

– Я те ща сяду!! Я те так сяду, что ты у меня забудешь, как Спящего зовут!

Подобные ссоры не были для кабака «Средство от перхоти» чем-то необычным, наоборот, служили обязательным фоном – атмосфера вечной оргии требовала выхода отрицательной энергии, и драки в заведении вспыхивали с дивной регулярностью. Тем более – в самом дальнем углу, который по давным-давно заведенному порядку оккупировали любители азартных игр. Любители сики, если точнее, ибо ни во что другое Красные Шапки между собой не играли: разночтение сложных правил частенько приводило к тому, что партия, даже не начавшись, заканчивалась поножовщиной. Сика же дело другое. Ее правила каждый дикарь знал с детства, неоднократно применял на практике, а посему среднестатистическая игра длилась довольно долго и драка начиналась не скоро. Только когда один из проигравших начинал выяснять отношения.

На этот раз ссора вспыхнула в компании трех уйбует: Оглобли Гнилича, Булыжника Дурича и Копыто Шибзича, до поры мирно шлепавших засаленными картами по грязной, покрытой подозрительными лужицами столешнице. Примерно час от их столика доносились исключительно счастливые/несчастливые (нужное подчеркнуть) вопли болельщиков и счастливые/несчастливые (нужное подчеркнуть) выкрики самих игроков. Но по мере того, как содержимое бумажников переключивалось к победителю, атмосфера накалялась, и Оглобля, продувший все сбережения десятки, не сдержался:

– Ты... ты... ты...

– Ну, чо, ослабло у тебя? Забыл, что сказать хотел? – с издевкой осведомился Шибзич.

– Ты шулер, Копыто! – собрался с духом Оглобля. – Ты!

И его указательный палец с обгрызленным ногтем исполнил свое основное предназначение: указал. Но смутить Шибзича было не таким простым делом, как рассчитывал Оглобля.

– Докажи! – предложил Копыто, мудро переводя зарождающийся скандал в плоскость дискуссии.

– Чо доказывать, если ты у нас в карты выиграл?! – удивился Гнилич.

Скопившиеся вокруг зрители одобрительно заворчали: ситуация действительно не требовала особых подтверждений. Часть наблюдателей уже мечтательно прикидывала, как будет потрошить карманы мертвого Копыто, но...

– А где написано, что выигрывают только шулеры?

Удар пришелся ниже пояса – ничего такого Оглобля действительно не читал. Собственно, он вообще ничего не читал, кроме названий кабаков и показаний спидометра, а потому заткнулся, сраженный талантливой репликой оппонента. Гнилич почти сдался, но неожиданно ему на помощь пришел Булыжник.

– Тогда почему я тоже проиграл?

В отличие от простоватого Оглобли, Булыжник играл куда осторожнее и сумел спасти хотя бы часть денег. Но горечь утраты терзала его не меньше, чем бестолкового Гнилича. Не ожидавший столь острого вопроса Копыто замялся, и Дурич развил атаку:

– Почему ты один выиграл? Я тоже хочу!

– Надо было учиться играть! – нашелся Копыто.

– Тебя не про школу спрашивают, а про деньги! – заорал ободренный поддержкой Оглобля. – Нам по фигу, где ты на шулера учился! Тока нас разводить не надо, понял?!

– Ты такой тупой, что тебя даже разводить не надо – сам деньги принес!

Ошалевший от огорчения и взбешенный оскорблениями Оглобля потянулся за оружием. Его десятка, до поры лишь мрачно переживавшая проигрыш общественных фондов, сплотилась, весьма неодобительно поглядывая на Копыто. Впрочем, бойцы Шибзича, окрыленные выигрышем вожака, приготовились защищать добычу.

– Не фигу здесь ятаганами размахивать!

– А ты чо молчишь? – Перспектива драки десять на десять Оглоблю не устраивала, и он злобно посмотрел на второго страдальца. – Чо он нас за лохов держит, а? Дурич, тебе не обидно?

Булыжник задумался. С одной стороны, безумно жаль проигранных денег, с другой – Копыто считался самым верным псом одноглазого Кувалды Шибзича, и ссора с ним, а тем паче – смертоубийство могли навлечь на десятку гнев великого фюрера. Да и повода для скандала не было: за руку Копыто никто не ловил. Дурич колебался и, затягивая время, обратился к стаканчику виски.

– Таким жуликам надо уши отрезать!

– Канделябром!

– У нас, между прочим, тоже ружья есть!

– Ты со своим прикладом не суйся, мля!

– Ща я тебе суну!

– Контейнер, дай ему в ухо!

– А чо, типа, сразу Контейнер?

– Ты чо, Контейнер? Кто твой уйбуй, в натуре?

– Дык я просто не понял, типа, что надо в ухо! Ща дам!

– Я те дам!

– Помалкивай, урод, подставляй ухо!!

– Пацаны, вы чо смотрите?! Мочите Копыто!

Булыжник, не отрываясь от стакана виски, заинтересованно озирался. Бойцы его десятки, видя осторожность шефа, помалкивали. Но Копыто понимал, что нейтралитет Дурича временный, стоит тому решить, что можно принять сторону Оглобли, и все, пиши пропало, против двух десятков не устоять. Для спасения жизни требовался стратегический ход, и в тот самый момент, когда Булыжник уже хотел заняться силовым возвращением бездарно проигранной наличности, решение было найдено: Копыто заметил висящий на грязной стене портрет великого фюрера.

– Шибзичей мочить вздумал? – заверещал уйбуй, протягивая руку к спасительному изображению вождя. – Может, тебе и фюрер наш не нравится?!

Перевод скандала в политическую плоскость вызвал в стане противника смятение. Оглобля притих, его бойцы подались назад, а поперхнувшийся Булыжник принялся думать о том, что не так уж много денег потеряно.

Ссора сошла на нет. Великий Кувалда охотно уничтожал всех, кто не проявлял достаточного обожания, и малейшего подозрения в нелояльности было достаточно, чтобы оказаться на виселице. Этим и воспользовался хитрый Шибзич.

– Может, ты шпион какой, мля? – продолжал надрываться Копыто, тарашась на не знающего, куда деваться, Гнилича. – Или террорист?!

– Бен Лабух, – авторитетно добавил начитанный боец Иголка.

– Может, ты нашего любимого фюрера отравить хочешь?

– Я нашего любимого великого фюрера очень люблю, – поспешил заявить Оглобля. – Все знают, что среди Гниличей я больше всех нашего любимого великого фюрера люблю. Я даже голосовал за него на прошлых выборах. Потому что люблю.

Булыжник проглотил виски, торопливо рыгнул и не остался в стороне:

– Я тоже фюрера люблю.

– И после этого вы, в натуре, говорите, что я шулер? – продолжал наседавать Копыто.

– Мы про нашего любимого фюрера ничего такого не говорили.

Проигравшие окончательно запутались в выстраиваемых Шибзичем логических цепочках. Единственное, что поняли Оглобля и Булыжник: обвиняя Копыто в шулерстве, они каким-то образом оскорбляют великого фюрера...

– Идите, мля, – высокомерно махнул рукой Копыто. – Идите, пока я не решил, что здесь заговор.

– Может, проведем расследование? – скандально Иголке очень хотелось кого-нибудь убить.

– Никаких расследований, мля!

Копыто приложился к бутылке виски и нежно погладил распухший от наличных бумажник.

* * *

Цитадель, штаб-квартира

Великого Дома Навь.

Москва, Ленинградский проспект,

3 ноября, среда, 19.19

Комната для совещаний ничем не отличалась от сотен тысяч своих сестер, используемых с той же целью в разных уголках Земли. Длинный стол, за которым могло с легкостью уместиться не менее тридцати человек, простые стулья, компьютер, на одной из стен – огромный жидкокристаллический экран, рядом с ним – металлическая доска с разноцветными маркерами. Так что, если бы не хрустальный шар, установленный на позолоченной бронзовой треноге, комнату можно было легко спутать с аналогичным помещением Генерального штаба, например. Шар же, с помощью которого маги восстанавливали события гораздо точнее видеокамер, напоминал, что дело происходит в Цитадели, самой неприступной крепости Тайного Города, и за столом собрались отнюдь не человеческие военные.

– Хочу отметить, господа, последняя ночь нам определенно удалась. – Сантьяга, комиссар Темного Двора, внимательно оглядел собравшихся на совещание подчиненных. – Объединенными усилиями удалось обнаружить восемь масанов Саббат.

– Обнаружили девятых, – поправил комиссара Захар Треми. – Но последнему удалось скрыться.

На совещание Захар, как и Сантьяга, явился в костюме человеческого покроя, правда, черном, а не светло-сером. И носил свой наряд масан с куда меньшим изяществом, что, впрочем, неудивительно – комиссар оттачивал элегантность веками.

– Да, последнему удалось скрыться, – кивнул Сантьяга. – Печальный факт.

Двое других участников совещания спорить не стали. Помимо Захара и комиссара, в комнате присутствовал Ортега, один из ближайших помощников Сантьяги, и Кортес. Шумные

сборища комиссар устраивал в исключительных случаях, предпочитая обсуждать ситуацию с избранными: Ортега донесет принятые решения до гарок, Захар до масанов, Кортес до всех принимающих участие в операции наемников, в том числе – до людов и чудов. Чем меньше участников совещания, тем больше дела.

– Упустили вчера, поймаем сегодня, – буркнул Кортес.

– Кстати, насчет «поймаем», – молниеносно среагировал Сантьяга. – Мы так и не сумели взять хотя бы одного из мятежников живым. Следовательно, до сих пор не понимаем, чем вызвана атака на Тайный Город.

– Я думал, все ясно. – Тремя удивленно поднял брови. – Два месяца назад мы провели большой «поход очищения» в Лос-Анджелесе. После столь шумных событий всегда следует ответная реакция. Они огрызаются.

Сантьяга внимательно посмотрел на епископа, чуть кивнул и, поднявшись на ноги, медленно прошел вдоль стола:

– Тем не менее мне хотелось бы узнать, что об этом думают сами масаны. По оценкам «ласвегасов», в городе до сих пор скрываются не менее четырех старых бойцов Робене. И я настоятельно прошу взять живым хотя бы одного из них.

– Всего четверо? – удивился Кортес.

– Да, – кивнул комиссар. – «Ласвегасы» считают, что молодняк мы уже... – Сантьяга покосился на Захара и решил сгладить углы: – ...что проблему молодых кадров мы уже решили и осталось урегулировать вопрос с их командирами.

«Ласвегасы», личные аналитики комиссара, ошибались редко.

– Завтра в городе должно быть тихо.

– Будет, – усмехнулся Ортега. – Теперь мятежники года три в Москве не покажутся.

Захар и Кортес согласно кивнули: как показывал опыт, огрызнувшись коротким выпадом, масаны надолго оставляли в покое обитателей Тайного Города.

– Не покажутся, – задумчиво повторил Сантьяга.

* * *

Вилла Луна.

Италия, пригород Рима,

3 ноября, среда, 20.05 (время местное)

Саббат и Камарилла. Две отчаянно враждующие половины семьи Масан.

«Вольные охотники, отстаивающие свое право делать все, что сочтут нужным, и послушные рабы, принявшие унижительные Догмы Покорности». Так пытались представить причину разногласий масаны Саббат.

«Где границы вседозволенности? Что сильнее: инстинкт или разум? Убивая без оглядки, ты превращаешься в тупое животное, ставящее под угрозу существование всей семьи». Сторонники Камарилла взывали к здравому смыслу.

Когда-то Александр Бруджа искренне верил в идеалы Саббат, искренне презирал ушедших в Тайный Город трусов и с удовольствием пил их кровь. Нельзя сказать, что он сильно изменился с тех пор, но определенная переоценка давних событий произошла. Это нормально для тех, кому удалось прожить достаточно долго, чтобы увидеть, к чему привели те или иные действия; для тех, у кого в достатке мужества беспристрастно взглянуть на себя и на свое прошлое. Это нормально для умных. Если ты все делал правильно, переоценка будет минимальной, небольшая поправка на возраст и уменьшение огня в крови. Если же была допущена ошибка, то...

Жизнеспособность любой идеи проверяется в мирное время. ТОЛЬКО в мирное время. На войне все понятно: инстинкт самосохранения не позволяет сомневаться, под каким бы флагом ты ни воевал. На войне надо драться. В мирное время надо жить, и вот тогда-то начинают всплывать недостатки идеологии. «Походы очищения», периодически предпринимаемые Темным Двором против наиболее распоясавшихся мятежных кланов, трудно назвать полноценной войной, а посему получается, что вот уже несколько сотен лет Камарилла и Саббат живут в относительно мире, и барону не очень нравилось то, что он наблюдал. Не признавая властные структуры и превознося личную свободу, масаны Саббат все равно были вынуждены сбиваться в стаи, власть в которых захватывали наиболее сильные и наглые. Александр же искренне полагал, что править должны умные. Кроме того, пропагандируя презрение к чела́м, считая их не более чем *пищей*, охотники забывали о высокой организованности человеческого общества и не единожды ставили под удар своих братьев.

В отличие от остальных вождей Саббат, Бруджа не боялся сказать себе, что его идеи оказались хороши только для войны. Что они плохо работают, когда не пахнет порохом, что пройдет еще триста лет, и Саббат окончательно прекратит свое существование как секта. Барон видел, что подвел тех, кто когда-то доверился ему, и всеми силами старался изменить ход событий. Шкатулка же – Александр искренне в это верил – могла помочь. Собственно, она была создана для того, чтобы помочь ему реализовать грандиозный, давно задуманный план объединения семьи. Барон мечтал собрать под свои знамена всех вампиров Земли, встряхнуть мир и на равных сыграть с Тайным Городом. Двести лет назад Бруджа уже стоял в шаге от своей мечты, хитростью и силой добился многих побед, но... потерял шкатулку. Он попытался действовать без нее, но цепь неудач свела на нет все его усилия, замысел рассыпался, как картонный домик. Шкатулка, невозстановимая шкатулка, была необходимым звеном планов, важнейшей деталью, и именно поэтому Александр решил сам отправиться в Москву – доверить операцию по возвращению артефакта постороннему Бруджа не мог. Каким бы преданным ни был слуга, узнав, что скрывается в шкатулке, он оставит артефакт себе.

– Если бы соплеменники знали о моей шкатулке, то называли бы ее еще одним Амулетом Крови, – пробормотал барон. – Вот только кто им позволит узнать...

Ярко-красные губы разошлись в усмешке, но Александр тут же согнал ее – предстояло серьезное дело.

Бруджа находился в одном из тех подземных помещений виллы, в которые посторонним запрещалось входить под страхом смерти. В своем святилище. Он сидел за огромным столом, положив обнаженные руки ладонями вверх. Он уже прочитал заклинание и теперь ждал, когда аркан заработает, когда начнется удивительная церемония, до сих пор вызывающая благоговейный трепет в его зачерствелой душе. По опыту Александр знал, что ожидание может продлиться и десять минут, и четыре часа, а потому сидел молча, стараясь полностью сосредоточиться на предстоящем действе, но мысли постоянно сбивались на шкатулку.

«Не думать о шкатулке! После!»

У стены, ядрах в шести от барона, возвышался деревянный крест, на котором, в духе римской традиции, был распят обнаженный масан. Но не прибит гвоздями, а привязан заговоренной веревкой, полностью исключавшей возможность освобождения. Высота подземного зала была достаточно большой, так что пятки масана находились примерно в двух ядрах от пола.

Распятый улыбался.

Между ним и бароном расположилась Бледная хризантема, удивительно красивое чудовище, заботливо выращенное Александром из семечка Алого Безумия. Крупный бутон – в нем можно было с легкостью спрятать человеческого младенца – еще спал, и Бруджа с нетерпением ожидал раскрытия. И даже чуть дрожал от возбуждения. И от предвкушения.

А распятый улыбался.

Головоломный процесс наполнения рубина силой занимал не один день. Первыми в подвале барона умирали семь челов, отобранных по специальной формуле, учитывающей особенности крови, наследственности, места и времени рождения. Семь дней их кормили специально приготовленной пищей, поили особой смесью вина и крови, а затем приводили на Рудный алтарь и отдавали масану в тщательно вычисленной последовательности, сопровождая процесс сложнейшими ритуалами. Но как бы ни был голоден вампир, он не способен *высушить* за один присест семь челов, поэтому масана тоже готовили особо: специальный обряд превращал его в охваченного постоянной Жаждой идиота, готового пить кровь непрерывно, совершенно не задумываясь о последствиях. После того как седьмой чел был *высушен* до последней капли, Александр помещал осоловевшего, похожего на бурдюк масана на крест и проводил последнюю часть церемонии.

На этот раз ожидание ограничилось двадцатью минутами.

Бутон стремительно раскрылся. Бледно-розовые лепестки разошлись, превратившись в восхитительный цветок, в сердце которого пылал крупный рубин. В нос ударил терпкий запах, и Бруджа сжал кулаки, напрягся, заставляя вздуться вены на руках. «Сейчас...» Первое щупальце вонзилось распятому масану в шею, следующее в живот, а потом к жертве устремился целый поток гибких тонких стеблей, и Александр отвернулся, сосредоточившись на тех двух щупальцах, что медленно приближались к его рукам. «Сейчас...» Острые иглы вонзились в вены, их сок огненным ручейком побежал к сердцу, и в груди барона расцвел еще один цветок, вспыхнул еще один рубин.

– Да! – Бруджа никогда не мог сдержать крик.

Дивная энергия Алого Безумия наполняла тело, разрывала на части, делала его великим. Он давно уже не пил кровь, не *высушивал* добычу, не наслаждался поглощаемой жизнью. Он давно уже должен был умереть, но сила Алого Безумия вела барона вперед.

– Да!!

И наливалась жертвенной кровью Бледная хризантема, и тонкие, пастельных тонов лепестки становились бархатистыми, бордовыми, напоминающими знаменитые розы Малкавиан.

И пылал в ее сердце рубин, жадно впитывающий в себя суть магии Крови.

И визжал на кресте безумец.

Жан-Жак нашел Александра в каминном зале, ставшем в последний месяц излюбленным местом пребывания барона. С тех пор как в доме появился русский чел, Бруджа проводил в этой комнате гораздо больше времени, чем где бы то ни было. В ней он вел совещания, работал с бумагами – бизнес требовал внимания, – а оставшись один, пил тяжелое красное вино, валялся на диване и смотрел на постоянно горящий в камине огонь. Но если некоторых членов клана поведение вожака удивляло, то Жан-Жак прекрасно знал, что хозяин не хандрит и не впал в депрессию – он думает, просчитывает варианты, разрабатывает планы. Подобные приступы всегда заканчивались неожиданными решениями или дерзкими операциями, призванными увеличить влияние Бруджа среди Саббат, укрепить власть барона.

На этот раз Александр находился в комнате не один. Едва открыв дверь, Жан-Жак увидел стоящую у камина Клаудию. Как обычно, вызывающий макияж: темно-синяя помада скрывает истинный цвет тонких губ, а огромные глаза кажутся еще больше из-за длинных, отнюдь не накладных ресниц, тоже темно-синих. Манерная поза – хрупкая девушка куталась в шаль, делая вид, что ей холодно. Прямые черные волосы стрижены «под мальчика». Тихий голос – слуга едва расслышал, о чем Клаудия говорила Александру.

– Впереди много тьмы, много непонятного и пугающего, но главный вывод остался прежним: предприятие будет успешным. Много не сложится, многое придется менять на ходу, но общий прогноз благоприятный... – Девушка помолчала. – Как ни странно.

Помимо того, что манерная Клаудия была дочерью барона, она являлась лучшей предсказательницей клана, и Бруджа очень серьезно относился к ее словам.

– Ты нервничаешь.

– Я устала. Смотреть в будущее Тайного Города сложно: маги Великих Домов сильны, предсказывать их действия трудно.

– Так было всегда, – мягко прошелестел голос барона. – Но сейчас ты взволнована. Отчего?

Клаудия плотнее закуталась в шаль, зябко повела тоненьким плечом, отвернулась.

– Я должна отправиться с тобой.

Барону пришлось взять дочь за локоть, чтобы заставить ее посмотреть в свою сторону.

– Что ты увидела?

– Не при слугах, Александр, не при слугах.

Голос Клаудии прозвучал с усталой высокомерностью. Бруджа поморщился. Жан-Жак остался невозмутим. Он медленно подошел к хозяину и бесстрастно сообщил:

– Самолет готов, барон. Мы должны выехать в аэропорт через час.

Несколько мгновений Бруджа смотрел на слугу, а затем, когда смысл сказанного дошел до его занятого другими мыслями мозга, кивнул:

– На Москву, мой друг, на Москву! – На груди сверкнул кровавым пятном камень. – Жан-Жак, вы чувствуете себя Наполеоном?

– Правильнее было бы сказать – одним из маршалов Наполеона, – склонил голову слуга.

– Пусть так, – согласился Александр. – Чувствуете?

– Нет, барон.

– Вот и хорошо, – рассмеялся Бруджа. – Корсиканец плохо кончил.

И покосился на Клаудию. Девушка не сводила глаз с пылающего в камине огня.

* * *

Игорный дом «Два Короля».

Москва, улица Большая Каретная,

3 ноября, среда, 23.14

– Ты видел? «Пиковая дама»! – Крылов с гордостью продемонстрировал Эльдару старую книгу. – Знаешь, сколько стоит?

– Открываешь библиотеку?

– Очень смешно. – Никита бережно вернул раритет в шкаф. – Это, между прочим, прижизненное издание.

Ахметов подошел к бару и смешал себе коктейль.

– Кит, как и любой коллекционер, ты постепенно сходишь с ума. Зачем, скажи на милость, тебе Пушкин? Ты ведь собираешь только предметы, связанные с игрой...

– «Пиковая дама» воспекает игру, – заметила сидящая на диване Анна.

– Верно, – кивнул Крылов и подумал, что вряд ли хоть одна из его подружек читала Пушкина. – Кстати, у меня есть прижизненное издание «Игрока».

– Покажи! – Анна подошла к шкафу.

– Сумасшедшие! – Эльдар добродушно хмыкнул и повернулся к приоткрывшейся двери: – Да?

– К Никите Степановичу человек пришел, – доложил Данышин.

– Кто?

– Мамоцких.

– Чего хочет?

- Проигрался.
- Это я понимаю, – рассмеялся Ахметов. – Чего он хочет?
- С Никитой Степановичем поговорить.
- Азартный игрок? – Анна посмотрела на Крылова.
- Азартный неудачник, – буркнул Никита. – Любой другой на его месте давно бы понял, что казино придумали не для таких, как он. А этот...
- Крылов недоуменно пожал плечами.
- Не будь таких мамоцких, мы бы зарабатывали куда меньше, – продолжая смеяться, заметил Эльдар.
- Никита кивнул Даньшину:
- Приведи.
- Мне уйти? – Анна вопросительно покосилась на Ахметова.
- Оставайся, – махнул рукой Эльдар. – Это весело.
- Скорее грустно, – поморщился Крылов. – В первый раз он взял у нас в кредит тридцать тысяч под залог машины. Хороший был «БМВ». Потом Мамоцких взял полторы сотни... двухкомнатная квартира на Якиманке. Сейчас Ефим живет на даче в Переделкине, от тестя осталась. – Никита посмотрел на компаньона. – Тебе не нужна дача в Переделкине?
- Большая?
- Сейчас узнаем.
- А сколько он уже должен?
- Двадцать тысяч.
- Начало большого пути, – хмыкнула Анна. – Дача, как я понимаю, стоит раз в десять дороже?
- Играть ему не переиграть. В смысле не выиграть.
- Мы его на улицу не выгоним, – весело пообещал Эльдар. – Купим однокомнатную квартирку где-нибудь в Жулебине. Нам проблемы не нужны.
- И часто такие наркоманы попадают? – скривилась девушка.
- Бывают.
- Только долго не задерживаются.
- Профессиональные лузеры.
- Со знаком качества.
- Говорят, это излечимо.
- Я не верю.
- Я тоже.
- Эльдар и Никита пожали друг другу руки и рассмеялись. Анна с улыбкой похлопала в ладоши:
- Я оценила вашу откровенность.
- Я люблю игру, я люблю играть, – неожиданно серьезно ответил Крылов. – Но я никому не позволю управлять собой. Настоящий игрок должен уметь останавливаться, должен чувствовать игру, ее дыхание, ее ритм. Мамоцких не игрок. Он слабак и неудачник.
- И поэтому ты жесток с ним?
- Не я, так другой. Он мог подсесть на любое московское казино. – Никита повернулся к дверям и широко развел руки: – Ефим, старина, давно не виделись!
- Я думал, ты нормально относишься к нашему бизнесу, – прошептал Эльдар, увлекая девушку к бару: не следовало находиться в поле зрения Мамоцких.
- Нормально я отношусь, – буркнула Анна. – Мне стало интересно.
- Что?
- Не что, а кто. Вы мне стали интересны, вы. Вы редко откровенничаете.

– Мы не звери, – медленно произнес Ахметов. – И к игорному столу мы за уши никого не тащим.

– Не оправдывайся. – Девушка поцеловала Эльдара в щеку. – Давай слушать.

– Никита, у меня большие перемены.

Ефим Мамоцких, худой и какой-то облезлый молодой человек лет тридцати семи, потрогал себя за унылый нос и пугливо посмотрел на Крылова влажными воловьими глазами. Одет он был в дешевый коричневый костюм, водолазку и полуботинки, на которых отметилась вся московская грязь, и принес довольно большой прямоугольный сверток, который пристроил под столом.

– Я решил, что достаточно погулял, пора начинать новую жизнь.

– Правильно, – одобрительно кивнул Крылов. – В твоём возрасте, Ефим, это важно. Ты можешь раскрыться! Да так раскрыться, что я буду гордиться знакомством с тобой.

– Я знаю.

– Я тоже.

– Меня на приличную работу зовут.

– Приятно слышать.

Крылов вежливо улыбнулся. Мамоцких нервно дернул правым глазом. Анна сделала маленький глоток вина. Эльдар невозмутимо раскурил сигарету. Пауза затягивалась.

– Никита, пойдёшь навстречу, а? – умоляюще произнес Мамоцких. – Я ведь у тебя все оставил, все, что было! Ты ведь круто на мне заработал.

– Не настолько круто, чтобы прощать тебе двадцать тысяч, – спокойно ответил Крылов. – Ты ведь понимаешь, Ефим, что их надо вернуть. Это большие деньги... – В голосе послышался металл: – Ты когда сумму поднимешь?

– Не быстро. – Мамоцких ещё больше опустил плечи, и казалось, что его нос вот-вот уткнется в стол.

– Тогда придется говорить о процентах, – пожал плечами Крылов. – Ты ведь взрослый мужчина, Ефим, ты понимаешь, что деньги требуют определенного отношения?

– Понимаю.

– Я тоже тебя понимаю, – проникновенно произнес Никита. – Ты решил изменить свою жизнь, начать все заново, небось девушку завел?

Мамоцких кивнул.

– Я всегда говорил, что у тебя все будет хорошо! Ты сильный мужчина, Ефим, ты твердо знаешь, что тебе надо. Ты смотришь вперед!

Как Анна ни старалась, она не услышала в голосе и не увидела в глазах Крылова намека на издевку. Никита говорил искренне и уверенно, спокойно обволакивая Мамоцких паутиной слов. Эльдар, понявший, о чем думает девушка, подмигнул и шепотом спросил: «Молодец, да?»

– Молодая жена, карьера, перспективы! Когда ты сможешь вернуть долг? Через месяц сможешь?

– Нет.

– Ладно, пусть не сможешь... – Крылов на мгновение задумался. – Только для тебя, Ефим, только для тебя: два месяца. Я просто не могу тебе не помочь. Я радуюсь за тебя, я хочу, чтобы у тебя все получилось, но бизнес есть бизнес. Плевать! Ради тебя, Ефим, я нарушу все правила. Два месяца. Я сказал.

– Но...

– И первые две недели никаких процентов! Ефим, я в тебя верю!

– А потом? – робко спросил Мамоцких. – Через две недели?

– А через две недели наш обычный процент. – Крылов вздохнул. – С меня ведь тоже спрашивают, Ефим. Я и так иду на большую жертву.

– Я вижу. – Мамоцких закусил губу: – Я не подниму такие деньги за два месяца. Да и за три не подниму.

Ну, об этом он мог Крылову не говорить: Никита прекрасно понимал положение Ефима. Какую бы перспективную работу он ни нашел, такие деньги за два месяца не заработать. И в долг ему не дадут – никто не станет связываться с игроком.

– С твоими-то мозгами? – удивился Крылов. – Ефим, не обижай меня, а то я решу, что общаюсь с кретином. Ты ведь умный мужик?

– Да.

– Вот видишь. Ты всегда найдешь выход из положения. – Никита вновь выдержал небольшую паузу: – Ты где сейчас живешь?

– На даче.

– Но ведь ты не повезешь туда молодую жену? Не по-мужски это. Надо гнездышко в столице свить. Квартиру, хотя бы двухкомнатную, с ремонтом и мебелью.

– Была у меня квартира, – угрюмо заметил Мамоцких.

– Согласись – здорово? – И эту фразу Никита произнес предельно серьезно, так, словно понятия не имел, что случилось с дорогой недвижимостью игрока. – Я вот что думаю: дача у тебя хорошая. Прямо скажем – классная дача. Сколько там квадратов?

– Сто восемьдесят.

– И находится в приличном месте. Ты ее продай, Ефим, и купи для семьи квартиру в Москве. Если не зарываться и взять двухкомнатную в муниципальной новостройке, то и на ремонт денег хватит, и на обстановку, и долг вернуть. А я ради такого дела подожду. Месяц с тебя проценты брать не стану.

– Если не зарываться, то деньги даже останутся, – промямлил Мамоцких.

– Значит, и еще кое на что хватит, – прозрачно улыбнулся Никита.

Ефим непонимающе посмотрел на Крылова. Сообразил. Задрожал:

– Нет, с этим покончено.

– Да я что? Я так, поинтересоваться. Варианты излагаю. – В руке Крылова появилась золотая фишка. Никита с небрежной ловкостью пропустил ее через пальцы, на мгновение задержал кругляш перед глазами Мамоцких и положил на стол. – Ты сам должен все решить, Ефим. Ты ведь умный. Не хочешь дачу продавать – ищи деньги. Два месяца. Или меньше.

– Ты же говорил – два.

– А еще я говорил, что нарушаю все возможные правила, – напомнил Крылов.

– Да, ты говорил. – Мамоцких сглотнул. С огромным трудом отвел взгляд от лежащей на столе фишки, что-то прошептал себе под нос и тихо сказал: – Я хочу предложить тебе... В счет долга.

– Что предложить?

Ефим наклонился, поднял и водрузил на стол принесенный пакет, аккуратно развернул оберточную бумагу.

– На даче нашел. Лазил по чердаку и нашел. Давно там лежала. – Заинтересовавшись, Эльдар и Анна подошли ближе, но Мамоцких не обратил на них никакого внимания – он смотрел на Крылова: – Тебе понравится.

Ефим принес изящную палисандровую шкатулку, длиной около двадцати дюймов. Золотые уголки, аккуратный замочек и чеканный медальон на верхней крышке: веретено и клубок ниток.

– Что это? – Только Ахметов уловил раздражение в голосе Никиты.

Мамоцких молча открыл шкатулку. Две колоды карт на зеленом бархате.

– Подарочный набор? – разочарованно скривился Эльдар.

Что именно Ахметов ожидал увидеть в шкатулке, осталось неизвестным. Но вот один интересный момент он из-за своей несдержанности упустил: в тот самый миг, когда Ефим откинул крышку, Анна вздрогнула и удивленно распахнула глаза. Но тут же взяла себя в руки и кинула быстрый взгляд на Эльдара – тот ничего не заметил.

– Мой прадед изъял шкатулку у...

– Изъял? – Никита брезгливо скривился. – Скорее – отнял?

– Красная цена этому барахлу: пять сотен, – махнул рукой Ахметов. – В арбатских ларьках бывают наборы и получше.

– Карты и шкатулку изготовили в восемнадцатом веке, – насупился Мамоцких. – Это не современная подделка. Прадед изъял шкатулку у графа Сергея Чернышева. Она очень ценная.

– Неужели? – презрительно протянул Никита.

– Бабка рассказывала, что граф Чернышев обещал отвести прадеда к спрятанным фамильным сокровищам, обещал отдать все, если его отпустят с этими картами.

– Какой же ты идиот! – Аарон Мамоцких от души ткнул Сергея в зубы. – «Отдам фамильные драгоценности»? Да ты и так их мне выдашь, буржуйская морда. Сам выдашь!

Кулачок у комиссара был маленький и костлявый. И сам он был маленьким, щуплым, поминутно шмыгал вислым носом и облизывал губы. От призыва на Первую мировую гимназист Мамоцких спасся, прикинувшись дурачком, и с тех пор никак не мог избавиться от некоторых привычек, приобретенных во время кратковременного пребывания в сумасшедшем доме.

– Говори, сука, где камушки? Где золото спрятал?!

И снова тычки в зубы, удары по заплывшим глазам, по почкам. Аарон только примеривался к настоящим пыткам, разминался и с жалостью думал о том, что проклятый граф успел вывезти куда-то семью. Отдать бы его жене революционным матросам «на перевоспитание»! Да заставить смотреть, как втягивается женищина в тяжелое пролетарское учение. Не каждый дворянчик выдерживал подобное зрелище, случалось, с ума сходили, но чаще рассказывали откровенно о припрятанном добре, наивно полагая, что это избавит их от пыток. В гостиной Мамоцких видел большой, в рост, портрет стройной женищины с русыми волосами. Выяснил – графиня. Затрепетал. Начал мечтать, какие экзамены устроит красавице балтийская братва, и вдруг такое разочарование.

– Где золото, тварь?!

Силы особой в ударах не было, только злоба, бешеная злоба. Но Мамоцких не надо было быть сильным – товарищи надежно связали графа.

– Где золото?

Какой-нибудь час назад граф говорил с Аароном куда более вежливо, спокойно, даже шутил – в тот момент Сергей хотел договориться. Теперь же, почти потеряв надежду на благополучный исход, Чернышев лишь изредка цедил короткие фразы. И, несмотря на разорванную одежду и кровь на лице, граф умело демонстрировал Мамоцких презрительное высокомерие.

– Повторяю в последний раз, господин комиссар. Вы освободите меня, дадите одежду, немного денег, оружие и шкатулку. За это я расскажу вам, где клад. Ассигнаций и ценных бумаг там нет, только золото и драгоценности, примерно на полмиллиона рублей. Отпустите меня, и это будет ваше. – Чернышев помолчал. – Вам ведь это надо.

Еще как надо! При одном упоминании о кладе язык Аарона принимался судорожно елозить по губам – полмиллиона! Вот она – основа благополучия семейства Мамоцких. Но странное предложение графа не менее сильно возбудило интерес комиссара. Отдать все за одну единственную шкатулку! За какие-то карты! И Аарон был полон решимости выяснить, в чем тут дело.

– И про шкатулку ты мне расскажешь, графская морда. Все расскажешь.

– Нет, – презрительно усмехнулся Чернышев. – Не расскажу.

– Расскажешь, – усмехнулся Мамоцких. – Когда я тебя к коням привяжу – все расскажешь. Когда потроха твои вынимать стану – расскажешь. – Аарон начал потихоньку сбиваться на крик. – Все расскажешь, тварь! Сапоги мои лизать будешь! Я тебе, скотина, покажу черту оседлости!!

– Прадед так и не выяснил, чем знамениты эти карты, – негромко продолжил Ефим Мамоцких. – После Гражданской войны он наводил справки и узнал, что Чернышевых считали счастливчиками, баловнями судьбы. То есть не то чтобы им везло постоянно и во всем, но удача улыбалась этой семье чаще, чем остальным.

– Они много выигрывали в азартные игры? – с неприкрытой иронией осведомился Никита.

– Э-э... и в карты тоже. – Ефим почесал нос. – Им просто везло: удачные знакомства, благоприятные стечения обстоятельств. Прадед считал, что все дело в этой шкатулке.

– В этих картах? – уточнил Крылов.

– Да, в этих картах. Прадед пытался найти ключ, но безуспешно.

– А ты? – быстро спросил Никита.

– Что я? – не понял Мамоцких.

– Ты не пробовал найти ключ?

Анна внимательно посмотрела на Крылова.

– Нет.

– Почему?

Ефим молчал почти полминуты, затем опустил голову. Руки его дрожали.

– Я...

– Потому что нет никакого ключа!! – взорвался Никита. – Потому что ты придумал все это дерьмо, чтобы я простил тебе двадцать штук долга!! Ты что думаешь, Мамоцких, если я коллекционер, мне можно лапшу на уши вешать? Да я тебе башку оторву, урод!

В сторону Ефима полетела дешевая пластиковая пепельница – Крылов специально держал ее под рукой как раз для таких случаев. Мамоцких втянул голову в плечи.

– Ты за кого меня держишь? Ты думаешь, это смешно? А за пургу свою ответить не хочешь?!

Анна вопросительно посмотрела на Эльдара. Ахметов вздохнул, чуть улыбнулся и качнул головой: все в порядке. Никита был великолепным актером, и его внезапный приступ яростного гнева мог провести кого угодно, но только не старого друга. О страсти Крылова к коллекционированию слышали многие, ему частенько, в том числе в качестве уплаты долга, приносили различные талисманы, колоды всех сортов, а то и ломберные столики. Никита относился к подобным визитам с юмором, а на Мамоцких разорался по простой причине: надо убедить Ефима продавать дачу. Ничего личного. В глубине души – Эльдар знал это на сто один процент – Крылов оставался спокоен, как спящий носорог.

– Ты за идиота меня держишь? Ты кого поиметь решил? Ты о чем думал, когда сюда шел?!

Никита неожиданно вскочил с кресла, перегнулся через стол, схватил колоду из шкатулки и...

Эльдар ожидал, что карты полетят в лицо Мамоцких, но Крылов неожиданно замер. Остановил движение и несколько секунд простоял в неудобной позе, вызвав изумленные взгляды присутствующих. Впрочем, Анна только старалась казаться удивленной.

– Кит, ты чего? – не выдержал Эльдар.

Крылов невидяще посмотрел на друга, затем на зажатую в кулаке колоду. Медленно вернулся в кресло.

– Пиши расписку, Ефим.

Эльдар издал сдавленный звук: не то кашлянул, не то подавил рвущееся наружу ругательство. Анна улыбнулась. Спокойно, словно ожидала подобной развязки. Не верящий своему счастью Мамоцких несмело поднял глаза:

– Что?

– Пиши расписку, Ефим, – повторил Никита, не сводя глаз с зажатой в руке колоды карт. – Я, Мамоцких Ефим Семенович, передаю в дар Крылову Никите Степановичу...

– Ты что, серьезно? – Эльдар подошел к компаньону.

Никита придвинул к себе шкатулку, бережно положил в нее колоду, на мгновение замер, глядя на карты, после чего кивнул:

– Абсолютно. – И снова посмотрел на Мамоцких. – Пиши, Ефим, пиши. Ты мне больше ничего не должен.

Глава 2

Санкт-Петербург, 1762 год

– Вижу, вас можно поздравить, граф? – розовощекий молодой человек, представившийся Петром Нечаевым, склонился в учтивом поклоне.

– Что вы имеете в виду? – не понял Сен-Жермен.

– Только то, что вижу.

– Ах, это... – Граф машинально опустил взгляд: под легким плащом виднелся мундир генерала русской армии. Вечером Сен-Жермен планировал быть на приеме у Дашиковой и заранее облачился в парадную одежду. – Да, с этим меня можно поздравить.

И позволил себе легкую улыбку.

Они встретились на берегу залива, на неприметном каменистом мысе, продуваемом всеми балтийскими ветрами. Карета Сен-Жермена осталась у дороги, невидимой отсюда из-за роицы, а как добрался до мыса Нечаев, было непонятно: ни лошади, ни кареты не заметно.

– Блестящая карьера, граф. – Морской ветер уносил слова Петра с такой стремительностью, что Сен-Жермен едва успевал услышать их. – Всего несколько месяцев в России – и уже генерал. Можно только позавидовать.

Сам Нечаев был одет в форму поручика Преображенского полка, но материал и шитье указывали, что жил юноша не только на офицерское жалованье.

– Вам ли завидовать, любезнейший Петр Андреевич? Вы молоды, у вас вся жизнь впереди.

– Но вряд ли я смогу оказать императрице услуги, равные вашим, граф.

Сен-Жермен прищурился.

Он ожидал любого развития разговора, кроме этого. Какое отношение имеет политика к их встрече? При чем здесь она? К тому же роль графа в возведении на престол Екатерины тщательно скрывалась, о его помощи знали только самые близкие к императрице люди, самые верные. Таинственность принесла плоды: не появилось даже слухов, даже домыслов о возможном участии Сен-Жермена в перевороте, и вот на тебе – мальчишка, щенок безусый, знает и намекает на наисекретнейшее дело с уверенностью невозможной.

– Меня приветчают при многих европейских дворах, – медленно ответил граф. Если Нечаев хочет поговорить о политике – пожалуйста, послушаем. Но на душе стало горько: не за этим, ох! совсем не за этим мчался Сен-Жермен на каменный мыс.

– В просвещенных странах ценят неординарных людей, способных оказать неординарные услуги. Говорят, вы зрите грядущее?

– Пытаюсь, – кивнул граф.

– Видели, чем закончится наш разговор?

Искренний интерес в голосе. И внимательный, открытый взгляд.

– Не видел, – буркнул Сен-Жермен. – Вы не дали мне времени.

Письмо нарочно доставили так, что граф едва успел к мысу.

– Сколько же времени вам нужно? Час? Неделя? Вся жизнь? Но ведь мечтаете вы не о том, не так ли? Вы ищете, как управлять грядущим. Что за радость просто зреть?

Сен-Жермен отшатнулся. «Щенок читает мысли?»

И кольнуло в груди – в Московии много тайн.

Теперь граф был уверен, что не зря поторопился на мыс, не зря поверил письму.

Много тайн в Московии. Много следов затерялось на диких ее просторах, ответы на многие загадки спрятались здесь. За тайнами и приехал Сен-Жермен, за секретами, за истиной, за знаниями, которые искали европейские мистики. Идеи Просвещения подарили мыслящим людям некоторую свободу, позволили открыто обратить свой взор на таинства

природы, разрешили искать ответы не только в Библии. И пытливые умы потянулись в библиотеки, в университеты, принялись искать и... с горечью увидели, сколь малая часть знаний осталась в их распоряжении. Сколько всего потеряно безвозвратно. Безвозвратно? Многие пали духом, решили, что святая инквизиция погубила европейскую традицию, направили взор на таинственный Восток, но Сен-Жермен был убежден, что потеряно не все. Сопоставив обнаруженные в книгах недомолвки и намеки, обрывочные записи в хрониках и дневниках, граф сделал вывод, что искать следует не новые знания на Востоке, а старые, традиционные, в дикой Московии. В Российской империи, если быть точным, ибо после правления Петра Великого никто в Европе не рисковал называть славянскую державу как-нибудь иначе.

Но как прознать тайны государства? Свести тесное знакомство с первыми лицами его, а если повезет – с самим самодержавным властелином, и двери тогда откроются, и не будет преград в познании сокровитного. Сен-Жермену повезло, благоволящая судьба позволила ему принять участие в перевороте, заслужить покровительство Екатерины и уважение ее ближайших сподвижников. Упрочив положение при дворе, граф осторожно, **ОЧЕНЬ** осторожно, перешел к главной цели своего визита. И на первых порах убедился в правильности выбранного пути: императрица повелела подданным оказывать всякую помощь «дорогому другу», братья Орловы рьяно поддерживали любые его начинания, но... Но всего через пару месяцев отчаявшийся Сен-Жермен понял, чем привлекала Московия хранителей тайн – русские умели прятать. Покровительство новых властелинов ничего не принесло: те, кому древние князья повелели беречь сокровища, не спешили выдавать их молодой императрице и ее приятелю с репутацией авантюриста. Или «те» давно сгинули?

Сен-Жермен уже собрался в Париж, и тут...

– Что вы ищете в России, граф?

– Ответы.

– Какие?

– Я умен.

Нечаев отвесил вежливый поклон – он был согласен с этим утверждением.

– Я честолюбив. Я познал тайны алхимии. Я читал трактаты, за которые францисканцы отправляли на костер. Мне послушны камни. Но я чувствую, что способен на большее, что моя сила может поднять меня гораздо выше. Я чувствую, что живу наполовину.

– Вы узнали некоторые тайны...

– А мне нужны все! – почти выкрикнул граф. Выкрикнул против своей воли. Не удержался. Слишком долго он шел к этому разговору. И ведь молодой поручик не спрашивал: «Почему вы решили, что в Московии есть какие-то тайны?» Нет! Он не отрицал, что Сен-Жермен прибыл по адресу, достиг своей цели. Граф дрожал.

– Мне нужны все тайны, – гораздо спокойнее повторил он.

– Для чего? – помолчав, осведомился Нечаев.

Сен-Жермен осекся, недовольно посмотрел на поручика, но сдержался. Пока сдержался. Пока.

Молокососу не уйти – два десятка гвардейцев ждут сигнала в соседней роже: если Нечаев не согласится помогать добровольно, ему придется ответить на вопросы графа на дыбе. Сен-Жермен провел в Московии слишком много времени и был полон решимости вцепиться в нащупанный след мертвой хваткой. Но сначала следует попробовать договориться по-хорошему.

– Для чего вам все тайны, граф?

– Чтобы стать тем, кем я должен стать.

– Блестяще, – после короткой паузы произнес молодой поручик. – Точнее не скажешь.

И хотя Нечаев был похож на учителя, получившего правильный ответ на экзамене, Сен-Жермен склонил голову – сейчас надо подыгрывать.

– Но кем вы видите себя, граф? Завоевателем? Повелителем? Сокрушителем устоев или цитаделью порядка? Какой путь вам близок?

– Я узнаю тайны, а после решу.

– После может не получиться, – усмехнулся юноша. – Знания несут с собой ответственность, вдруг, открыв тайны, вы поймете, что мечты ваши – дым. Или недостойны вас. Или невозможны.

– Разве для меня останется что-то невозможное? – Сен-Жермен удивленно поднял брови.

– Останется, – уверенно бросил Нечаев. – Если вы ищете всемогущества, граф, то вам следует поискать в другом месте. А потом, когда поумнеете, вернуться. Мы будем ждать.

– Все-таки будете ждать? – саркастически полюбопытствовал Сен-Жермен.

– Будем, – подтвердил поручик. – Вы нам интересны, граф. Для чела у вас блестящие способности. И всех нас поразила ваша страсть к учебе, ваше маниакальное желание совершенствоваться, постигать новое. Не имея никаких возможностей, вы тем не менее сумели достичь высот невероятных...

– Хорошо, что вы это понимаете.

Теперь настала очередь Нечаева удивленно изогнуть бровь – ему не понравился самодовольный тон Сен-Жермена.

– Невероятных для вас, – уточнил поручик.

– Разумеется, – махнул рукой граф.

И получил небольшой урок, призванный вернуть его с небес на землю.

– Вы говорили, вам послушины камни? – припомнил Нечаев.

– Да.

– Гм... предположим. – Поручик извлек из кармана крупный рубин. – Обратите внимание на трещину.

Сен-Жермен внимательно рассматривал камень несколько минут, затем вернул его хозяину и, предвосхищая вопрос, произнес:

– За две недели я уберу трещину.

– Я не могу ждать так долго.

Нечаев положил рубин на ладонь, поднес к лицу, прошептал несколько слов, заставивших камень засиять, и в завершение легонько подул на него.

– Вот и все.

– Вы позволите?

Граф жадно схватил рубин и не сдержал удивленный вскрик – трещина исчезла. Он прекрасно разбирался в камнях, чтобы понять, что перед ним тот же самый рубин. А еще он прекрасно разбирался в фокусах, чтобы понять, что молодой русский не обманывает.

– И вы говорите, что я достиг невероятных успехов? – очень тихо спросил Сен-Жермен.

– Конечно, граф, – совершенно серьезно ответил Нечаев. – Вы, не зная и сотой части того, что доступно мне, не умея пользоваться своей силой, научились делать то же, что и я. Пусть вы тратите гораздо больше времени, но ведь у вас получается, черт возьми!

В его голосе звучало неподдельное уважение.

– Вы – Посвященный?

Нечаев ответил не сразу. Задумчиво посмотрел на свинцовые волны залива, на падающих за добычей чаек, на низкие тучи.

– Через два дня вы планировали отправиться в Париж. Езжайте через Ревель, там мы вас найдем и тайно переправим в Москву.

И очень тихо, после едва уловимой паузы:

– Вам будет открыто гораздо больше, чем мне.

* * *

Книжный магазин Генбека Хамзи.

Москва, улица Арбат, 4 ноября, четверг, 11.11

«Объект – Анна Курбатова.

Генетический статус – Чел.

Социальный статус – Практикующий маг.

Кредит – 5000.

Возможное превышение – 200%».

Последняя запись весьма показательна: если шасы согласны утроить предоставляемый кредит по первому требованию клиентки, следовательно, на ее счету лежит кругленькая сумма.

«Анна Курбатова...» Старый Генбек Хамзи, хозяин лучшего книжного магазина² Тайного Города, задумчиво перечитал появившуюся на мониторе информацию. Не так давно переехала в Москву из Воронежа. Лицензия Великого Дома Людь в порядке, специализация – краткосрочные предсказания, владеет небольшой аналитической фирмой и кормится при ММВБ, впрочем, вокруг торговых площадок вертится немало магов средней руки.

На первый взгляд Анна не вызывала подозрений. Обычная история: прознала о Тайном Городе, вступила в контакт с Великими Домами, прошла обучение магии, стала неплохо зарабатывать, переехала в столицу. Но старый Генбек, до тех пор, пока не отошел от дел, заслуженно считался одним из величайших директоров в истории Торговой Гильдии – его чутью могли позавидовать лучшие таможенные собаки. «Кто выписал девушке карточку „Тиградом“? Ну, конечно, Темный Двор... – Хамзи выключил компьютер и почесал нос. – Десять к одному, что красавица работает на Сантьягу».

В этом случае Курбатовой следует оказать особое внимание.

– По правде говоря, Анна, если вас всерьез заинтересовали игровые артефакты, нужно обращаться к концам. Это их профиль.

Генбек присел за оккупированный девушкой столик и ласково провел рукой по корешкам выбранных ею книг: сборник научных статей «Тройка, семерка, туз. Некоторые особенности заклинаний девятнадцатого века», «Карточные артефакты. Настоящее и прошлое» Люция Чейза, «Необходимый прикуп. Теория вызова нужных карт» и даже иллюстрированная методичка Службы утилизации «Правила поведения в чело́вских казино». С другой стороны стола возвышалась внушительная стопка еще не прочитанных томов. Электронных копий Хамзи не делал, заставляя клиентов приезжать на Арбат и вручную выискивать в книгах нужную информацию, не забывая собирать со страждущих знаний приличную почасовую оплату.

– Боюсь, вы правы, – вздохнула девушка.

– В моем собрании есть множество материалов по магии игр, но в библиотеке концов эти сведения классифицированы куда лучше.

Анна с трудом удержалась от язвительного замечания насчет того, что подобное предложение следовало бы сделать пару часов назад, а не сейчас, когда счет за пользование книгохранилищем существенно возрос. Но шас есть шас, надо принимать его таким, какой он есть, или не принимать вовсе.

– Если честно, мне не хочется общаться с концами. Тем более в пустынной библиотеке.

– Бойтесь попасть под чары их семейной тайны?

² Открыт ежедневно, с 9.00 до 22.00 без перерыва на обед. Раритеты и современные работы. За отдельную плату предоставляется доступ к запрещенным изданиям.

– Вы читаете мысли.

В действительности же девушка не собиралась обращаться к любвеобильным толстякам по другой причине: кто знает, как отнесутся они к появлению старого артефакта? Возможно, купленный Крыловым карточный набор не стоил ни гроша и был изготовлен для местечковых ярмарок. Но вряд ли балаганная игрушка стала бы семейной реликвией графского рода.

В любом случае Анна не сомневалась, что набор является артефактом – она уловила идущий от него фон магической энергии и была полна решимости выяснить, что же именно попало в руки Никиты.

– Нашли что-нибудь интересное?

– Увы. – Девушка улыбнулась. Настроение у нее было не самое радостное, но сухонький старичок излучал такое дружелюбие, что не улыбнуться ему было невозможно. – Я перекопала часть рекомендованных вами книг, но...

– Может, мы неправильно ищем?

– Может быть, – согласилась Анна. – Опять намекаете, что мне надо ехать к концам?

– Мы еще не уверены, что в моем собрании нет нужной информации.

– Опять же, время идет, – не удержалась девушка.

– Но ведь вы хотите узнать о своем артефакте? – строго осведомился Хамзи.

– Хочу. Не люблю зря платить деньги.

– Редкое качество для женщины. – Теперь старик смотрел на девушку с гораздо большим дружелюбием. – Помнится, когда мой средний сын собрался обзавестись семьей, я сразу сказал ему, что жену следует подбирать хозяйственную...

«А разве среди шасов есть другие?» – подумала Анна.

– Женщинам только дай волю – разбазарят имущество на шубы какие-нибудь и не задумаются. Спасайся потом от кредиторов... – Генбек, видимо, вспомнив о чем-то, поджал губы. – Так вот, мой средний...

– Не послушался, – с улыбкой подхватила девушка. – И...

– Никаких «и», – отрезал Хамзи. – Женился, на ком я велел, и счастлив до безумия. Невестка у меня золото: домовитая, хозяйственная, бережливая, из хорошей семьи...

Анна помрачнела. Хамзи, чутко уловив, что клиентке не понравился ход разговора, быстро сменил тему:

– Давайте повторим еще раз, что мы ищем. Игровой артефакт, изготовленный ориентировочно в девятнадцатом веке.

– Две колоды карт в деревянной шкатулке.

– Выложенной изнутри зеленым бархатом.

– Рубашки карт синие.

– Имени мастера, разумеется, нет?

– Вы уже спрашивали.

– А вдруг оно есть и вы неожиданно об этом вспомнили? Женщинам свойственно вспоминать важные подробности через некоторое время. Вот моя жена, к примеру, двадцать лет хранила в секрете какой-то клочок бумаги, перекладывала его с места на место и никак не могла понять, почему не выбрасывает. Что-то ей мешало... А в одно прекрасное утро она вспоминает, как снять скрывающее заклинание, и выясняет, что все это время хранила долговую расписку уважаемого Юрбека Томбы.

– Бедный Юрбек.

– Не такой уж и бедный... – Генбек улыбнулся. Воспоминания об удачных сделках всегда приводили шасов в хорошее настроение. – Проценты по той расписке набежали...

– Артефакт, – напомнила Анна.

– Да, артефакт. – Старик покосился на обложку верхней книги из стопки. «Шулеры-маги и шулеры. Сводный каталог за XIX век». Анна была несколько удивлена, обнаружив в списках пару поэтов из школьной программы. – Здесь тоже ничего?

– Ни одного упоминания о подобной шкатулке.

– Логично, – вздохнул Генбек. – С магическими картами не пойдешь в заведение концов. Да и вообще не станешь играть в Москве.

– Возможно, владелец артефакта не посещал игорные заведения? Использовал карты только в частных компаниях?

– Слухи бы все равно появились.

– М-да... задачка...

Коммерческое использование магии в играх не запрещалось, но Великие Дома рекомендовали пользоваться ею предельно осторожно: за карточным столом челы становятся подозрительными, и одной неосторожной фразы достаточно, чтобы нарушить режим секретности. К тому же опытному магу не нужны игровые артефакты, он и так может заглянуть в карты противника, узнать, что придет в прикупе, или смешать колоду в нужной последовательности.

– Как правило, игровые артефакты изготавливались не для магов. Или за деньги, или в качестве платы за услуги. И использовались они только за пределами Тайного Города.

– Разве это не противоречит режиму секретности?

– Наоборот! Служба утилизации иногда специально подбрасывает челам странные факты, чтобы искали там, где ничего нет. Игровые артефакты заряжают небольшим количеством энергии, так что через неделю или месяц везение игрока заканчивается.

– У моей шкатулки до сих пор наблюдается магический фон.

– Может, ее изготовили недавно и специально состарили? Вы разбираетесь в антиквариате?

Анна прищурилась.

– Нет, не думаю... Чел, который ее принес, не знает о Тайном Городе. К тому же медальон выглядел достаточно старым...

– Медальон?

– Разве я не говорила?

Девушка прочитала в глазах Хамзи несколько ярко выраженных шовинистических мыслей и покраснела.

– Я...

– Что за медальон?

– Старинный герб, на котором изображено веретено и клубок ниток. Генбек, поверьте, я...

И осеклась.

И поймала себя на мысли, что впервые видит шаса, раскрывшего от удивления рот.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира

семьи Красные Шапки.

Москва, Бутово, 4 ноября, четверг, 11.12

– Паника тогда была страшная, мля... Страшнейшая! Зеленый Дом осажден, дружинники еле отбиваются. Чуды вконец озверели, концлагеря, в натуре, строят, за малолетними ведьмами по лесам гоняются...

– Педофилия, – со знанием дела поддакнул Иголка, довольно шустрый боец из десятки Копыто.

– Вот-вот, – не стал спорить уйбуй. – У этих педофилия, у этих крыша от страха съехала, а остальные не знают, за что хвататься. Морян в капусту покрошили, хваны на Алтай сбежали, наемники попрятались... Я тогда звоню Сантьяге и, в натуре, говорю: в городе шухер, мля, но ты не дергайся – северо-восток я прикрою, спи спокойно, мля.

Слушатели переглянулись, но промолчали.

– Короче, у Сантьяги гора с плеч свалилась. Такое обещать начал, смешно вспомнить. – Уйбуй потер лоб, припоминая события давно минувших дней. – «Выручай, грит, Копыто, а я тебя за это великим фюрером сделаю». Ну, я, в натуре, чуть виски не поперхнулся. «Знаешь, говорю, Сантьяга, я Кувалде до гробовой доски верен. У нас, у Красных Шапок, на этот счет строго: клятву дал – держись, клятву не дал – крепись. Вот как с этим у нас, у Красных Шапок...» – Копыто покосился на сидящих за столом дикарей. – Верно я говорю?

– Да мы за великого фюрера хоть кого!

– Зубами!

– По плечи в землю!

– Навсегда!!

Уйбуй немножко послушал верноподданные выкрики, удовлетворенно покивал и вернулся к теме:

– В натуре, обиделся я тогда крепко. «Мля, говорю, Сантьяга, я к тебе, как к своему, а ты такие подлянки кидать! Не по-пацански, в натуре, великого фюрера в сортире мочить и меня вместо него делать, уйду я на... от ваших интриг...»

– Так и сказал? – восхищенно поинтересовался какой-то молодой боец из задних рядов.

– Я чо, нанимался вам лапшу на уши вешать? – обиделся Копыто. – Как есть, так и рассказываю. Совсем уйти хотел, да уговорил меня Сантьяга, упросил. «Выручай, грит, прикрывай северо-восток, а уж в других местах мы сами как-нибудь». Вижу я, чуть не плачет нав, тоска его гложет.

– Для нава тоска первое дело, – не выдержал Иголка. – Они перед смертью в нее впадают.

– В спячку?

– В какую пячку?

– Тихо! – зашикали сзади. – Не мешайте!

– Собрал я бойцов верных, – поведал Копыто, – гранатометов взял заряженных, выстрелов к ним поболее и отправился, в натуре, спасти город от супостата. С северо-востока, мля.

– Самое опасное направление, типа, – солидно пробасил боец Контейнер.

Он принимал участие в той переделке и имел право украшать повествование уйбуя мелкими подробностями. Копыто опрокинул стаканчик виски, вытер губы, рыгнул и продолжил:

– Тока мы северо-восток прикрыли, глядь – демоны мертвые отовсюду выскакивают!

– Типа, не сосчитать!

– Безумные совсем, дикие – уже челов грызть начали, – добавил Иголка.

– И понял я, что если не мы, то никто. И говорю бойцам: «Огонь!»

Копыто рассказывал свою знаменитую историю никак не меньше тысячи раз. Красные Шапки знали ее чуть не наизусть и разбегались, едва слышав первые слова повествования. За последние четыре месяца уйбуя позволили вспомнить старый подвиг всего один раз – на той вечеринке все настолько упились, что остановить бормотавшего мемуары Копыто было решительно некому. Его бы и сейчас никто не слушал, но уйбуй платил за виски, и проигравшие соплеменники тоскливо внимали.

– В новостях «Тиградком» только о нас и говорили, мля! Во всех экстренных выпусках и в девятичасовом блоке. Обо всей десятке рассказали, а у меня два раза интервью брали. В натуре.

– Я тама за его спиной, типа, стоял, – скромно добавил Контейнер.

– И мою фотографию показывали в телевизоре, – сообщил Иголка.

Мелкий боец не попал в кадр во время интервью и до сих пор переживал по этому поводу.

– Да, круто было, – подытожил Копыто, вертя в руке пустую бутылку из-под виски.

– А что Сантьяга? – спросил кто-то.

– Благодарил, конечно, – несколько неопределенно ответил уйбуй. – Ваше я этот подвиг не для Сантьяги совершил. Для всего Тайного Города. Это мне потом репортеры «Тиградком» объяснили.

– Охота была стараться?

Копыто поднял на не понимающего политический момент бойца тяжелый взгляд:

– А мне за Родину и фюрера всегда охота. У меня любовь к ним вот здесь сидит! – Уйбуй рубанул себя по груди. – В печенку въелась! Понятно?

– Понятно ему, понятно, – пробурчал толстый боец, наградив недотепу подзатыльником. – Купи еще виски, Копыто. И расскажи о чем-нибудь.

– Кончилось виски, – буркнул уйбуй.

Лица слушателей разочарованно вытянулись, но спорить с Копыто никто не рискнул. Поднялись из-за стола и разбрелись, тихонько бормоча ругательства. Впрочем, на чувства соплеменников уйбуй было плевать. Выждав, когда обыгранные бойцы растворятся в полутьме «Средства от перхоти», Копыто выгреб из кармана комок мятых купюр – последний выигрыш – и бережно пересчитал:

– Три тысячи!

Бармен, правильно истолковав взгляд счастливого, прислал за стол еще одну бутылочку виски. Иголка и Контейнер одновременно облизнулись. Уйбуй же вернул наличность в карман и высокомерно посмотрел на подчиненных:

– Теперь все понятно, придурки? Кто там ныл, что у конца надо было деньги брать?

– Я не ныл, – пропищал Иголка. – Я проявлял разумную осторожность.

– Вот они, деньги!! – Копыто потряс бумажником. – За два часа!

– Это еще хорошо, что у этих придурков наличные оказались, – не удержался от язвительного замечания мелкий скандалист.

– Я, в натуре, с нищими не играю!

– А как таких распознать?

– Мля, Иголка, не хочешь заткнуться для разнообразия? Просто признай, что я поступил правильно. Конец никогда бы нам столько денег не заплатил!

– Ну, выиграешь ты еще пару раз, – рассудительно произнес Контейнер. – А что потом? Дуричи и Гниличи не совсем ведь идиоты. Смекнут, что ты их раздеваешь постоянно, и не станут с тобой играть больше никогда. И кончится твоё счастье.

– Я и говорю, – осмелел Иголка, – деньги надо было брать!

– Цыц! – Копыто покосился на мелкого бойца. – Вы, идиоты, совсем не видите, что нас ждет впереди...

– Что впереди?

Как и обещал Харций, «Повелитель Вероятностей» не гарантировал уйбуйю постоянных побед. Случалось, Копыто проигрывал или просто бросал карты, не желая рисковать и поднимать ставки. Но в целом статистика обнадеживала: из игры Шибзич обычно выходил в плюсе. И в его голове уже зрели наполеоновские планы.

– Эльдорадо. Сказочные пещеры золота, мля...

– Откуда?

– Выпей, – заботливо предложил Контейнер, пододвигая десятнику стаканчик виски. – И все пройдет.

– За что же мне такие тупые бойцы достались? – посетовал Копыто. – Слушайте сюда, придурки, мы играть будем с челами, чуеете? На большие бабки, мля. Чтобы сразу кучу денег срубить... Пока артефакт не разрядился.

Бойцы переглянулись.

– Боязно, – буркнул Контейнер. – Ты, типа, не всегда выигрываешь.

– Все челы – жулики, – неуверенно протянул Иголка. – А когда они на большие бабки играют, то в два раза больше жулики.

Но остановить увлекшегося идеей уйбуя было невозможно.

– Зато у меня есть «Повелитель»!

– Но гарантии...

– Молчать!!

Иголка и Контейнер послушались. Но все-таки попытались привести закусившего удила начальника в чувство:

– А если они, типа, деньги не станут отдавать?

– А вы на что?

– То есть, типа, сначала ты у них выигрываешь, а потом мы их мочим?

– Выпей. – Копыто вернул стакан Контейнеру. – И слушай еще раз, мля: мы никого просто так не мочим. Мы ведь не отморозки какие-нибудь. Мы выигрываем в карты.

– А если они деньги не отдадут...

– Тогда мочим.

– Я подписываюсь, – покивал головой Контейнер. – Давай так и делать.

– Подожди так и делать! – Иголка разлил виски по стаканам и швырнул бутылку под стол. – Слышь, Копыто, а как же режим секретности?

– Что «режим секретности»?

– Ну, если ты у всех челов в карты начнешь выигрывать да еще мочить их потом станешь, то полиция или бандиты напрягутся. Они, конечно, не такие умные, как мы, но и не совсем дураки. А потом королева прознает, что мы артефактом выигрываем, и по шее нам настучит. Привлечение внимания и все такое прочее. А тута бандиты подоспеют...

– А мы не станем много выигрывать, – неуверенно ответил Копыто.

– Как это?

– Ну... не станем в казино ходить.

Бойцы недоуменно воззрились на уйбуя. Такого оборота они не ожидали.

– В скверик пойдешь? В шахматы у пенсионеров выигрывать?

– Не... – Копыто поднял свой стакан и одним махом влил в себя кукурузное пойло. – Не парьтесь, бойцы, все сделаем. И ваще: челы на большие деньги не только в казино играют.

– А где еще?

– Есть места, – уклончиво ответил уйбуй.

– А кто тебя в эти места пустит?

– Кто надо, тот и пустит. – Копыто задумчиво почесал подбородок. – Главное – связи иметь.

– Типа, ты имеешь?

– Типа, я знаю, у кого их взять!

* * *

Ресторан «Прага».

Москва, улица Арбат,

4 ноября, четверг, 12.45

«Все уверены, что это легенда, миф, сказка, что Сен-Жермен не был способен на такой подвиг. Представить сложно, сколько нюансов пришлось учесть при разработке аркана! Да что я говорю: аркан?! Одним арканом не обойдешься – нужен целый свод, десятки сплетенных

заклинаний, сложнейших заклинаний, смею заметить. Сложнейших! Оценка ситуации, выбор способа воздействия. При этом надо учесть, к чему приведет то или иное вмешательство, рассчитать, чтобы в итоге получилось задуманное! Если такой артефакт существует, то это показатель высшей степени мастерства его создателя! Это показатель суперкласса! Такие артефакты создают в течение всей жизни! Сантьяге, я уверен, потребовалось бы не менее двух десятков лет...»

Покинув книжный магазин, девушка пришла в «Прагу», заказала кофе и задумалась, невидяще глядя в окно на замершие в арбатской пробке автомобили. И снова и снова вспоминала слова потрясенного старика.

«Вы нашли Колоду Судьбы, Анна, артефакт, с помощью которого можно изменить будущее. Сделать его более благоприятным».

«И что для этого требуется? Кровавые жертвоприношения?»

«Нет. Нужно поставить на кон свое настоящее».

Таинственная шкатулка предлагала сыграть с окружающей реальностью, попробовать заполучить то, о чем в обычной жизни бессмысленно даже мечтать. Хочешь стать президентом? Слетать в космос? Выиграть миллион? Начни игру, и все будет зависеть не только от слепого случая, но и от твоего умения, от знания правил, от расчета.

«Если у тебя нет богатой тетушки, то можешь раскладывать карты хоть каждый день – наследства все равно не получишь. Хочешь выиграть миллион – купи лотерейный билет. Мечтаешь о президентстве – вступи в партию. Колода Судьбы не дарит, а помогает. Она дает шанс, но ты обязательно должен действовать в нужном направлении и в реальном мире. Пойдет игра с Колодой – будет сопутствовать удача в реальности, прослывешь счастливым».

«А не пойдет игра?»

«Потеряешь все».

«Нужно быть очень азартным человеком, чтобы согласиться на такую ставку».

«Нужно быть Игроком, настоящим Игроком».

Слухи о том, что кто-то изготовил Колоду Судьбы, появились в Тайном Городе в начале девятнадцатого века. Незадолго до того в бывших Западных лесах волновались челы: воевали, устраивали перевороты, рубили друг другу головы, в общем, развлекались как могли. Великие Дома в целом приветствовали подобное времяпрепровождение, но, соблюдая заключенный с Церковью договор, старательно дистанцировались от происходящего и не мешали буянам крошить сородичей в капусту. Нейтралитет Тайного Города оказался на руку нескольким человеческим магам, попытавшимся использовать смуту в своих скромных целях, правда, безуспешно. Во всяком случае, мелкий офицеришка, возглавивший в итоге бунтарские племена, не знал о настоящей магии и не обладал способностями к колдовству. Выяснив это, Великие Дома успокоились, но грандиозные успехи новоявленного императора вызвали нездоровый интерес у обывателей, особенно усилившийся после затрат на отвод глаз во время оккупации Москвы и спасение имущества от случившегося при этом пожара. Ни одно здание Тайного Города в тех событиях не было повреждено, ни один житель Тайного Города не пострадал, но возмущенные семьи вынудили Великие Дома провести повторное расследование. Опять же ничего не прояснившее. Вот тогда-то и поползли слухи о Колоде Судьбы – ведь определить ее воздействие не представлялось возможным, а пользоваться Колодой мог самый обычный чел. Великие Дома сразу же заявили, что появление артефакта подобной силы невозможно, а через пару лет, когда общественность успокоилась и занялась повседневными делами, Темный Двор объявил бессрочный контракт на поиск палисандровой шкатулки с двумя колодами карт и золотым медальоном на крышке, изображающим веретено и клубок ниток.

«Тогда это объявление без шума прошло, мол, ищут и ищут, мало ли что навыв потерять могли во время вторжения. Очень немногие догадались, что речь идет о Колоде Судьбы. А раз

темные так подробно ее описали, значит, видели они ее, видели, и, как обычно, людям и чудам ничего не сказали».

«Почему вы так думаете?»

«Потому что Орден и Зеленый Дом считают истории о Колоде Судьбы сказкой. Их аргумент – если ее не создали в Тайном Городе, ее не могли создать нигде».

«Серьезный аргумент».

«Серьезный, – согласился старик, – но Сен-Жермен некоторое время жил в России. А это тоже очень серьезный аргумент».

Обедать не хотелось. Анна ограничилась десертом и кофе. Немного фруктов и табак. В заведениях Тайного Города не курили, и девушка с удовольствием затягивалась тонкими сигаретами после двухчасового никотинового голодания.

«При всех своих особенностях Колода Судьбы все-таки игровой артефакт, а для них есть обязательное условие: заклинание честного владельца. Таковы требования Игры. Игровой артефакт нельзя украсть или принудительно забрать у хозяина. Точнее, можно, вот только использовать его после этого не рекомендуется – проиграешь обязательно. Прежний владелец должен расстаться со своим сокровищем добровольно. А в случае, если прежний владелец знал об особенностях игрового артефакта, пользовался им, выигрывал и добровольно отдал, – твоя победа практически гарантирована».

«А если владельцу захочется сыграть еще?»

«Даже среди челов мало дураков, способных дважды пойти на ТАКОЙ риск».

Дважды – да, дважды ставить на кон все – это перебор. Но вот один раз... Тем более если предыдущий владелец выиграет... На один раз Анна была согласна. Ради чего? А разве мало желаний у вчерашней рабыни? Пальцы машинально прикоснулись к затылку, где еще совсем недавно чернели навские иероглифы «Власть» и «Покорность». Сейчас моя жизнь полностью зависит от расположения Темного Двора, это положение следует изменить. Каким образом? Способов много.

К счастью, старый Генбек с пониманием отнесся к желанию девушки не торопиться передавать Колоду Судьбы Темному Двору.

«Хотите сыграть для себя?»

«В первую очередь надо найти Колоду, пока я лишь нашла на след».

«Вы производите хорошее впечатление, Анна, вы найдете».

«Скорее всего».

«И сыграете для себя?»

«Жизнь надо прожить так, чтобы не захотелось еще раз. Мне есть из-за чего рисковать». Хамзи долго молчал, поглаживая ладонью мягкую кожу книги, затем кивнул:

«Я не стану доносить Сантьяге о том, что обнаружен след Колоды Судьбы. Но после того как вы сыграете, мы отнесем ее в Темный Двор, и я получу шестьдесят процентов награды».

«Почему не половину?»

«Потому что вы получите игру».

«А вы играть не будете?»

«Нет. Я доволен своей жизнью. Мне не из-за чего рисковать».

«А если и я не буду играть?»

«В этом случае поделим награду пополам».

На самом деле шас проявил неслыханную покладистость: учитывая ситуацию, он мог бы потребовать и семьдесят процентов награды.

Анна закурила очередную сигарету и вздохнула, разглядывая медленно поднимающуюся вверх струйку дыма: предстояло решить, как забрать Колоду Судьбы у Крылова. Девушка хорошо знала Никиту и понимала, что предлагать деньги бессмысленно – не возьмет. Придется рассказать полуправду, одну из сказок, разработанных Службой утилизации. Учитывая

заклинание честного владельца, заполучить шкатулку иначе не получится – придется пойти на небольшое нарушение режима секретности.

«А если у него возникнут дополнительные желания?» Анна прекрасно понимала взгляды, которые бросал на нее Крылов. Рискнет ли он сделать подруге своего лучшего друга фривольное предложение?

«Подруге его друга?» Девушка прищурилась, в памяти всплыла неловкость вчерашнего утра. Пальцы зло смяли в пепельнице недокуренную сигарету. «Подруга? С Эльдаром нас ничего не связывает, кроме постели. И ничего не будет связывать. Он слишком слаб, чтобы пойти против воли отца».

И голос Генбека: «Женился, на ком я велел, и счастлив до безумия».

«Так будет и здесь».

И на мгновение – острое чувство одиночества.

«Плевать на все! Мне нужна Колода Судьбы!»

Анна достала из сумочки мобильный телефон и набрала номер Никиты.

* * *

Жилой комплекс «Воробьевы горы».

Москва, улица Мосфильмовская,

4 ноября, четверг, 12.59

Игра привлекает, затягивает, не оставляет равнодушным. Возможно, ты сумеешь удержаться, сохранить хладнокровие и не поддашься искушению азарта. Возможно, ты больше никогда не сядешь за карточный стол и будешь с презрением смотреть на завсегдатаев казино. Но ты не сможешь пройти мимо, ты обязательно попробуешь. И однажды ты будешь пристально вглядываться в рубашки сдаваемых карт, пытаясь угадать, какая масть скрывается под ними; или станешь рассчитывать варианты, сосредоточенно наблюдая за стремительным бегом шарика; или вцепишься в автомат, тупо ожидая, что сейчас, вот сейчас, прямо сейчас, барабаны замрут в нужном положении и загремят фанфары «Джек-пота». Однажды ты забудешь обо всем, полностью попав под власть Игры. И это нормально, естественно, это один из элементов обязательной программы: заняться любовью, выпить стакан вина, сыграть на деньги. Ты должен попробовать хотя бы для того, чтобы понять, что это – не твое.

А вот Никита Крылов твердо знал, что это – его.

Он не был рабом азарта, скорее – любовником. Игра не съела его, но стала смыслом. Не поглотила, как невозможно поглотить часть себя. Никита был частью Игры, ее представителем среди людей, ее порождением. Или Игра была порождением таких, как он. Победа или поражение – неважно, Крылова привлекал сам процесс. Предвкушение, ожидание, расчет, риск, единственно возможное решение или ошибка, сводящая на нет все усилия. Азарт. Никита наслаждался красотой игры, проникал в ее суть, растворялся в ней. И пришли победы. А как еще Игра может отблагодарить своего адепта? Преданного адепта. Вот уже четыре года Крылов считался игроком экстракласса, и даже самые опытные шулеры не рисковали встречаться с ним за карточным столом: что могли противопоставить ему мелкие обманщики? Ведь если Никиту можно было смело назвать любовником Игры, то их – не более чем альфонсами.

Знаменитое на всю Москву хобби Никиты стало логичным продолжением его образа жизни, своего рода храмом, который он посвятил Игре. Старинные и современные раритеты, коллекционные карты и первые фишки из Монте-Карло, а кроме них – истории. Рассказы о таинственных колодах и загадочных счастливицах, об обладателях «золотых рук», всегда выбрасывающих нужную комбинацию костей, и о повелителях рулетки, разоряющих целые казино. Мир Игры издревле наполнялся мифами и легендами. Точнее, эти истории казались

мифами и легендами посторонним, а вот адепты азартной жизни относились к ним без скепсиса, ибо каждый, кто провел достаточно много времени на свиданиях с Игрой, с удовольствием расскажет несколько невероятных случаев из собственной биографии. Никита тратил на свою коллекцию немало сил и средств, гордился ею и потому немного разозлился, услышав предложение Мамоцких: Крылов подумал, что хитрый Ефим, по случаю раздобыв потрепанный карточный набор, специально придумал красивую историю, решив сыграть на общеизвестной страсти кредитора. Но, едва прикоснувшись к картам, Никита понял, что Мамоцких не врет: подушечками пальцев Крылов ощутил пульсирующее покалывание. Такое, словно через бумажные прямоугольники пропустили электрический ток. Уколы были слабыми, но явственными, не заметить их было невозможно. Как и не понять, что в принесенной Ефимом шкатулке кроется какая-то загадка.

Это понимание заставило Никиту простить Мамоцких двадцатитысячный долг. Это понимание заставило его думать о шкатулке весь вечер и утром, едва открыв глаза, направиться в кабинет, чтобы вновь увидеть таинственный раритет, прикоснуться к слегка потрепавшимся картам и ощутить слабые уколы. В безуспешных попытках отыскать хоть какое-то упоминание о шкатулке Крылов перерыл свои записи и прогулялся по известным энциклопедическим сайтам. Он пытался найти след, любую, пусть даже самую фантастическую историю, связанную с этими картами, но наткнулся на глухую стену. Никто не слышал о шкатулке графов Чернышевых, никто не знал о гербе с изображением веретена и клубка ниток, никто не мог помочь.

А потому телефонный звонок застал Крылова в самом мрачном расположении духа.

– Долго спишь.

«Эльдар!» Никита вспомнил, что должен был позвонить другу сразу же, как проснется, и обругал себя последними словами.

– Извини, старик, постарел, размяк, обзавелся дурными привычками.

– Склонность к красивой жизни?

– Не без этого.

– Боюсь, скоро тебе придется отвыкать от беззаботности.

Крылов нахмурился:

– Цвания?

– Он распускает слухи, будто мы уступили и скрываем решение, чтобы сохранить лицо, – пробурчал Ахметов. – Мне звонили люди из «Кристалла», предлагали работу. Они уверены, что мы уже лишились бизнеса. Это очень плохо, Кит, такие слухи нам не на руку.

– Я понимаю, – жестко ответил Крылов.

– Давид ведет себя так, будто уже победил. Он надеется, что это поможет ему не проиграть.

Если все будут уверены, что Ахметов и Крылов сдали позиции, любое активное действие будет расценено как провокация, и Цвания сможет взять их голыми руками.

– Но ведь он не сможет ничего сделать во время игры? – после короткой паузы произнес Никита.

– Теперь я не уверен, – признался Ахметов.

– Эльдар, это по твоей части, – буркнул Крылов. – Обеспечь мне возможность спокойно сыграть и больше ни о чем не волнуйся. Я все сделаю.

– А если Цвания сумеет протащить за стол своих шулеров? – Эльдар не был столь же тонким ценителем Игры, как Никита, и до сих пор сомневался в правильности принятого решения. Поставить бизнес на карту? Ахметов доверял другу, но опасения его не оставляли.

– Эльдар, если Давид приведет шулеров, мои шансы только возрастут, – усмехнулся Крылов. – Я сто раз это повторял.

В трубке послышалось сопение.

– Разве я тебя когда-нибудь подводил?

– Нет.

– Тогда в чем дело? Я не хочу забывать дорогие привычки. Я выиграю, а ты сделай так, чтобы не было провокаций.

– Чтобы мы ушли оттуда живыми.

Дальнейшие шаги представлялись Никите и Эльдару достаточно ясно. Выиграв у Цвания казино, они немедленно предложат его вернуть, получив гарантии неприкосновенности для своего бизнеса. Ахметову удалось привлечь в качестве третейского судьи Чемберлена, весьма уважаемого в Москве человека, так что друзья не сомневались в успехе предприятия. Дело оставалось за малым: выиграть и остаться в живых.

– Мне бы твою уверенность, – проворчал Эльдар.

– Разве ее у тебя нет?

– Уже есть. Заразился.

– Мы справимся, старик, мы доползем.

– О'кей.

Крылов положил трубку и вернулся к шкатулке: в настоящий момент она занимала его гораздо больше предстоящей игры с Цвания. Никита откинул крышку, прикоснулся пальцами к одной из колод, вновь почувствовал легкое покалывание в подушечках и вздохнул.

Как разгадать загадку? Как проникнуть в тайну старого раритета? Удастся ли это мне или палисандровый ящик затеряется среди остальных экспонатов коллекции, запылится на полке, дожидаясь более удачливого владельца? Или более умного? Того, который сможет отыскать нужный ключ.

– Я узнаю, – прошептал Крылов. – Я все равно узнаю...

И вздрогнул, услышав трель телефонного звонка. Мгновение поколебался, после чего поднес трубку к уху.

– Да?

«Мне нужен ключ!»

– Никита, если ты не один, не называй мое имя.

Крылов узнал голос Анны.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира

семьи Красные Шапки.

Москва, Бутово, 4 ноября, четверг, 13.00

Кабинет одноглазого Кувалды, великого фюрера Красных Шапок, располагался на самом верху единственной башни Южного Форта. Из окон открывался прекрасный вид на снующие по Кольцевой дороге автомобили, пробки на Варшавском шоссе и грязный двор штаб-квартиры, на стенах которого были развешаны пропагандистские плакаты. Кроме агиток, с которых подотчетному населению улыбался глянцевого Кувалда, двор украшала огромная куча мусора и спящий на ней боец. Определить клановую принадлежность бездельника с высоты фюрерского кабинета не представлялось возможным, в чем Кувалда и убедился, потратив на безуспешные попытки около пяти минут. Разочарованно плюнув в пуленепробиваемое оконное стекло, фюрер вернулся к очередному заседанию Фюрерского совета по неотложным и оборонным вопросам.

– Расследование показало, что убитые Андрей Кирпиченко и Борис Истцов являются активными членами нижегородской преступной группировки и прибыли в Москву с неустановленной целью...

Копыто читал медленно, запинаясь и водя пальцем по строчкам полицейского отчета, иногда он сбивался и возвращался на пару предложений назад, но собравшиеся в кабинете уйбуи слушали его предельно внимательно. Уйбуи упивались моментом – они вершили судьбу семьи.

– Документы, оружие, ценности и одежда отсутствовали. Личности Истцова и Кирпиченко установлены по отпечаткам пальцев...

– А что мне оставалось? – прошипел Булыжник, заметив недоуменные взгляды уйбуй. – У них все шмотки фирменные, бабла немерено стоят, мы их в бутик на Петровке сдали. Отмыли от крови и сдали. На вес.

– Тихо! – просипел уставший от чтения Копыто. – Немного осталось.

И тоскливо покосился на знаменитый фюрерский бар, выполненный в виде сидящего на корточках рыцаря. По слухам, виски в нем не заканчивалось никогда.

«Трубопровод он, что ли, из „Средства от перхоти“ провел?»

– Продолжай!

Кувалда зевнул и поправил повязку на лице.

Не так давно его власть подверглась проверке на прочность: оголтелые мятежники подбили семью на проведение выборов великого фюрера. К счастью, Кувалде удалось выиграть голосование без лишних жертв, не доводить дело до геноцида, но едва одноглазый собрался приступить к репрессиям, как получил еще один удар. Королева Зеленого Дома, вассалами которого являлись Красные Шапки, потребовала снабдить властную вертикаль дикарей какими-нибудь демократическими надстройками, дабы выпускать через них накопившуюся оголтелость. Возражать Ее величеству Кувалда не посмел, и на свет появился Фюрерский совет по неотложным и оборонным вопросам, на неотложных и оборонных заседаниях которого одноглазый делал вид, что прислушивается к мнению подданных. Зато от предложения создать при семье должность Уполномоченного по правам, который бы подсчитывал и доносил в Зеленый Дом точное число повешенных за измену, Кувалде пока удалось отвертеться. Надолго ли? Фюрер надеялся, что навсегда.

– На месте преступления были обнаружены следующие улики: мотоцикл «Харлей-Дэвидсон»...

– Забыли, когда уезжали, – прошептал Булыжник. – Тачка с Ламером подрался, запихнул его в багажник. А про мотоцикл забыли!

– Документы на имя Булыгина Петра Петровича...

– Из кармана выпали, когда я этих придурков разнимал.

– И одно из орудий преступления: нож с отпечатками.

– Хватит!

Копыто радостно замолчал. Кувалда резко сел в свое кресло и злобно посмотрел на провинившегося уйбуя.

– Ну?

Булыжник опустил голову.

– Зачем ты грохнул этих челов? Фа еще так неаккуратно?

– Они разбираться приехали, – угрюмо поведал уйбуй. – Хотели нас грохнуть.

– За что?

– У нас бизнес: они на ГАЗе новые машины тырили, а мы им тут номера переделывали и через Урбека Хамзи продавали. А потом они один раз плохие машины прислали, поломанные, а мы им за это денег только половину выслали. Они обиделись и приехали. А мы их грохнули.

Среди членов Фюрерского совета по неотложным и оборонным вопросам прокатился глухой ропот: выслушав объяснения Булыжника, высокие стороны не поняли, почему Кувалда вынес дело на всеобщее обсуждение. Вины за подсудимым не наблюдалось.

Одноглазый вздохнул и взял со стола еще одну бумажку.

– Теперь послушаем мнение Службы утилизации. Та-ак... «обращаю внимание Вашего величества на то, что в послефнее время фикари...» Нет, не то... – Читать подданным обидные нападки разъяренных шасов Кувалда не стал. – Короче, они все исправили и пофчистили, слефы замели, челы на нас не выйфут. Фогафываете, на какую сумму эти кровопийцы выставили счет?

А вот теперь присутствующие уставились на Булыжника с откровенной враждебностью: когда в семейной казне заканчивались деньги, одноглазый становился невыносим и драл с подданных по три шкуры. Кувалда выдержал гроссмейстерскую паузу, позволив членам Фюрерского совета сполна насладиться кошмарными предчувствиями, после чего продолжил:

– Значит, так, великофюрерские советники, на примере Булыжника вы вифите, фо чего может фокатиться нормальный в общем-то уйбуй, если буфет фелать все, что захочет. Пофозрительные бизнесы, связи с человскими преступниками – это хорошо, но всегфа нафо помнить о режиме секретности. Вы помните о режиме секретности?

Уйбуи закивали банданами.

– Если мы облажаемся, Великие Фома нас на кусочки порежут. Так что не нафо нам лажаться, не нафо!

– Давайте Булыжника повесим? – предложил Копыто. – А то чо он, в натуре, сомнительные бизнесы развел и с челами связывается?

В целом Кувалде понравилось предложение старого друга, но своим единственным глазом фюрер видел гораздо больше, чем многие его соплеменники – двумя, и понял, что остальные уйбуи отнеслись к идее без восторга.

– Нет, вешать Булыжника пока не нафо. Пусть это буфет уроком.

– Пусть! – обрадованно поддакнул провинившийся. – Не надо меня вешать, великий фюрер! Я еще пригожусь!

– Но наказать его надо, – не удержался Копыто.

– Пусть штраф заплатит, – махнул кто-то рукой.

– Правильно, – согласился фюрер. – Слышал, ты, ошибка Спящего? Чтобы через фва фня принес феньги.

– Сколько?

– Ты приноси сколько буфет, а я решу, сколько забрать.

– А если я принесу мало?

– Тогфа я тебя повешу.

Булыжник уныло вздохнул.

– Понятно?

– Понятно.

– Тогфа пошли все вон, – распорядился Кувалда. – Засефание закончилось.

– А следующее когда?

– Когфа мне захочется ваши морфы увифеть. Проваливайте!

– Слава великому фюреру, – нестройно промямлили уйбуи и потянулись к выходу из кабинета.

Но не все.

– А ты чего сифишь?

– Предложение у меня к тебе, высокопревосходительство, великий избранный фюрер народа Красные Шапки.

Кувалда поморщился.

– Копыто, сколько раз повторять: когфа мы офни, обращайся без чинов. Понятно?

– Да!

– Хорошо. – Одноглазый вытащил из ящика стола бутылку виски, два стакана и собственноручно разлил пойло. – Чего нафо?

Уйбуй выпил свою дозу, приятно улыбнулся вождю и со всей прямоотой ответил:
– Денег.

Фюрер вздохнул. Копыто принадлежал к самому близкому окружению одноглазого, был одним из тех, на кого Кувалда мог положиться в любой ситуации. Даже во время выборов, когда власть и жизнь фюрера висели на волоске, уйбуй подтвердил свою преданность, оставаясь с одноглазым в самые критические минуты. Кувалда не забывал о приятеле, частенько подкармливал его из казны, но финансы у веселого уйбуя не задерживались, а потому, несмотря на щедрые подачки, десятка Копыто регулярно сидела без...

– Деньги нужны, Кувалда.

Пару мгновений фюрер тарасился на верного уйбуя, прикидывая, стоит ли исполнять просьбу приятеля, после чего махнул рукой:

– Пять тысяч хватит?

– Хва... – с готовностью начал Копыто, но тут же опомнился: – Не, Кувалда, мне не столько нужно. Мне больше нужно. Дай миллион!

Фюрер посуровел:

– Копыто, ты опять пил пиво?

– Зачем пиво, если у меня на виски деньги есть! – Уйбуй с законной гордостью продемонстрировал вождю пачку банкнот. – Прикинь, Кувалда, двенадцать тысяч!

– Откуфа?!

– Выиграл!

– Ты?!

– Я!

Одноглазый снял бандану, поскреб по голове пальцами, аккуратно вернул платок обратно и потребовал:

– Рассказывай.

– Так я же все сказал, мля: у меня артефакт, – поведал удивленный недогадливостью фюрера уйбуй. – Верняк дело, в натуре, Кувалда, карта сама прет: нужен валет – приходит валет, нужен туз – приходит туз. Только успевай деньги загребать!

– Пофожфи, пофожфи... – потряс головой фюрер. – Какой артефакт? Какая карта? Куфа прет?

– Артефакт для игры. Мне его... я его у конца одного отобрал. За долги. – Рассказывать, как десятка ишачила на Харция, Копыто стыдился. – Артефакт суперский, вся игра твоя! Повелитель этих... вероятностей.

– Каких таких вероятностей? – Кувалда твердо помнил, что в колоде есть пики, трефы, бубны и черви. Никаких «вероятностей» в колоде не было. – Ты чего несешь? Брефишь?

– Ну, может, не вероятностей, но карта прет.

– Какая нужна?

– Угу.

– И ты фвенафцать тысяч за ночь выиграл?

– Четырнадцать выиграл, – поведал Копыто. – Пару тысяч уже пропили.

– И теперь тебе нужен миллион?

– Или около того, – махнул рукой уйбуй. – Дай сколько-нибудь, примерно столько, а я тебе потом еще много принесу. В натуре.

– Откуфа принесешь?

Копыто разлил еще по одной, надеясь, что теперь-то уж фюрер все поймет, и, выпив, почти по складам произнес:

– Кувалда, пойми: я выигрываю в карты. Ты даешь мне миллион и договариваешься с челами какими-нибудь на игру по-крупному. Я выигрываю, и мы в шоколаде. Это, мля, Эль-дорадо!

– А ты точно выиграешь? – подозрительно осведомился одноглазый.

Миллион у фюрера был. У него было больше – три миллиона, но деньги откладывались на погашение взятого у шасов во время выборов кредита, и расставаться с ними Кувалда не хотел.

– Выиграю я, выиграю! Хочешь, доставай карты, я...

– Не нафо со мной играть, – пробурчал одноглазый. Помолчал. – Ты уверен, что выиграешь у челов?

– Так у них артефакта нет.

– Фа, – после короткого раздумья согласился фюрер. – Артефакта у них нет.

– А у меня есть.

– А как насчет нарушения режима секретности?

– Об этом я и толкую! – воскликнул Копыто. – Не хочу я в казино идти, там меня сразу засекут, мля.

– Так что ты хочешь?

– У тебя ведь есть связи с человскими урками?

– Ну.

– Сведи меня с ними! Пристрой в какую-нибудь крупную игру. А дальше моя забота. У меня эти вероятности вот где сидят! – Уйбуй сжал кулак. – Я их, в натуре, раздену. Только миллион дай, мля!

Кувалда выпил еще, долго смотрел на продемонстрированную подчиненным пачку банкнот и, наконец, решил:

– Хорошо, Копыто, буфет тебе миллион. И игру я тебе найфу... Есть на примете... Но смотри: проиграешь – можешь сразу ифти вешаться.

* * *

Дачный поселок Переделкино.

Ближнее Подмосковье, 4 ноября, четверг, 16.18

– Пятьдесят тысяч?! – Мамоцких изумленно вытаращился на Чернышева. – Вы сказали: пятьдесят?

– Да, синьор, ровно пятьдесят, – подтвердил Роберто. – Хотите – наличными, хотите – чеком.

– Чем же они столь знамениты?

– Для широкой публики – ничем, – спокойно ответил Чернышев. – Обычные карты восемнадцатого века. Предмет, безусловно, интересный, но не редкий, я специально уточнял у коллекционеров – даже особого разрешения на их вывоз не потребуется. Для меня же шкатулка – семейная реликвия. Она передавалась из поколения в поколение, мои предки берегли ее. К сожалению, во время революции шкатулка пропала, каким-то образом оказалась у вас...

– Законным образом, – уточнил Мамоцких.

– Я не ставлю под сомнение ваше право, – поднял ладони Роберто. – Вы владеете вещью, которая крайне дорога мне. Я достаточно богат, чтобы предложить за нее хорошую цену. Мы договоримся?

Разговор проходил в гостиной, из окон которой открывался прекрасный вид на запущенный сад. Мужчины сидели за круглым столом, покрытым кружевной скатертью, и пили чай из красивых фарфоровых чашек, украшенных изящными медальонами с медвежьими головами. Похожее изображение было вырезано на стоящем в углу дубовом буфете – монументальном произведении мебельного искусства девятнадцатого века. Медвежья голова – один из элементов родового герба Чернышевых: Роберто не сомневался, что и сервиз, и буфет украдены из

поместья его предков. Что еще можно найти в старом переделкинском доме? В чьих еще усадьбах побывал прадед облезлого Ефима?

От размышлений Чернышева отвлек голос Мамоцких:

– Знаете, что я думаю? – безапелляционно заявил Ефим. – Я думаю, вы врете! Вы лгун!

– Что? – Роберто недоуменно посмотрел на собеседника. – Что вы имеете в виду?

– Я думаю, вы узнали, что карты представляют большую ценность, и пытаетесь задешево купить их у меня. Вы проходимец. И никакой не Чернышев! – Мамоцких потрогал себя за унылый нос. – Убирайтесь!

– Как знаете, – пожал плечами Роберто. – Можете оставить карты у себя и начать поиски желающих купить за большие деньги. Когда убедитесь, что таковых не существует, позвоните. – Чернышев положил на стол визитку. – Но предупреждаю: при нашем следующем разговоре я предложу за них не более пятнадцати тысяч.

– Неужели?

– А вы проверьте. – Чернышев поднялся и направился к прихожей. – Всего наилучшего.

– Подождите!!

Окрик прозвучал, когда Роберто взялся за плащ. Чернышев обернулся и увидел, что возле Ефима выросла неопрятная старуха в черном. Когда она принесла чай, Роберто решил, что это прислуга, потом понял – мать. Она не присутствовала при разговоре, но, судя по всему, подслушивала за дверью и теперь выговаривала непутевому сыну.

– Уходите, – жалобно попросил Мамоцких.

– Не смейте! – властно велела старуха.

Чернышев усмехнулся и вернулся в гостиную.

– Где ты будешь искать других покупателей? – Родительница уперла руки в бока и нависла над своим чадом тенью отца Гамлета. На верхней губе яростно подрагивала гигантская бородавка. – Пойдешь в скупку? Или к оценщикам? А если попадешь к бандитам? Ты ведь такой доверчивый, тебя обманут или отнимут...

– Не отнимут, – буркнул Ефим.

Мамоцких-мама оказалась не такой душой, как можно было бы предположить, глядя на сыночка. Ей хватило всего четырех секунд, чтобы понять подлинный смысл ответа.

– Идиот!! – Крепкая пощечина заставила покраснеть левую сторону сыновней физиономии. – Ты их проиграл!!

Роберто огорченно плюнул на грязный пол гостиной и коротко выругался. Впрочем, никто из присутствующих не обратил внимания на недостойное поведение гостя.

– Откуда я знал, что они ценные?! – завизжал отрок. – Валялись на чердаке! Кто о них помнил?

– Ты их проиграл! – Старуха схватила за сердце. – За что мне такое наказание?

– Я их продал за двадцать тысяч!

– Которые ты был должен?

– Ну...

Еще одна пощечина.

– А что мне оставалось делать?! – орал Ефим. – Да, я был должен! Я проиграл! Этот гад хотел нашу дачу, а я уговорил его взять эти идиотские карты! За двадцать тысяч, представляешь?! Как я мог отказаться? Я ведь не знал, что заявится этот богатей!

– Ты должен был знать!

Дискуссия вновь перешла в стадию рукоприкладства. Старуха лупила неразумное чад, отпрыск подвывал и закрывал руками голову, Чернышев угрюмо молчал и прислушивался, надеясь, что разгоряченные Мамоцких упомянут имя таинственного гада.

– Ты должен был понять, что если один идиот согласился заплатить за карты двадцать тысяч, то обязательно найдется другой, который заплатит в два раза больше! Даже в два с половиной раза больше!!

– Но как я мог это понять?!

– Ты ведь Мамоцких, Фима! Предки тяжелым трудом собирали имущество! Ночи не спали! Горели на работе! Себя не жалели! А ты пустил все по ветру!

– Он коллекционер! Он чокнутый коллекционер!!

Роберто подождал, пока физиономия чада не станет цвета вареного рака, откашлялся и громким голосом спросил:

– Карт у вас нет?!

Мамоцких притихли.

– Шкатулки у вас нет?

– Нет.

На Ефима было жалко смотреть. Воловьи глаза наполнились слезами, губы и пальцы дрожали, но мальчик-переросток не плакал, сдерживался, мама вырастила его стойким.

– Я хочу знать, у кого сейчас находится моя шкатулка.

– Сколько вы заплатите за информацию? – Старуха взяла переговоры в свои руки. – Нам нужны деньги.

– Сотня вас устроит? – брезгливо поинтересовался Чернышев, открывая бумажник.

– Пять тысяч, – отрезала мадам Мамоцких. – Наличными.

– И думать забудьте.

– В таком случае до свидания.

– В таком случае мне придется организовать вам неприятности, – вздохнул Роберто. – Поверьте, я приму это решение без радости, но лучше я заплачу бандитам, чем...

– Я тебе покажу неприятности! – взорвалась старуха, и бородавка победоносно взлетела вместе с вздернутой верхней губой. Обнажились зубы. – Ты у меня эти неприятности на всю жизнь запомнишь! Да ты знаешь, кто я? Ты знаешь, с кем связался?! Мы Мамоцких, щенки! Мамоцких!! Мы эту страну строили! Тебя полиция в порошок...

Чернышев устало вытащил из наплечной кобуры пистолет – наблюдательное семейство не заметило эту деталь его туалета – и выстрелил в дубовый буфет. Грохот выстрела и звон разбитого стекла заставили старуху заткнуться и вновь схватиться за сердце, а чадо – соскочить со стула на пол. Через полминуты над столешницей появились робкие воловьи глаза.

– Теперь мы можем поговорить, как взрослые люди, – улыбнулся Роберто.

Мамоцких жестами показали, что они не против.

– Вот и славно.

Чернышев не боялся, что выстрел привлечет чье-либо внимание: карманная «беретта» звучала довольно приглушенно, к тому же дом Мамоцких располагался далеко от соседских построек. Демонстрируя семейству свою уверенность, Роберто медленно прошелся по гостиной, постоял, задумчиво почесывая стволом пистолета затылок, после чего продолжил интересную беседу:

– Значит, так, друзья. Вашу ценную информацию я оцениваю в полсотни. Это большие деньги, и они вам пригодятся. Согласны?

Спорить с графом Чернышевым никто не стал. Роберто улыбнулся и вытащил из бумажника несколько потрепанных ассигнаций.

Едва он захлопнул дверцу «Ягуара», бронированную, с наглухо тонированными стеклами, непрозрачная перегородка, делящая салон на две части, бесшумно опустилась, и Клаудия небрежно произнесла:

– У тебя недовольный вид. – И пригубила шампанское из хрустального бокала.

Огромные глаза с красными зрачками неподвижно смотрели на чела. Затягивающие глаза. Роберто знал, что специфическая магия масанов позволяет управлять разумными, брать под гипнотический контроль и челов, и более древних существ. Знал, но искренне надеялся, что кровавая ведьма Бруджа не оттачивает на нем свое мастерство. Только эта надежда помогала Чернышеву выдерживать взгляды Клаудии.

– Ты какой-то взъерошенный, – прошелестел Александр.

Черные губы девушки чуть изогнулись. Тень улыбки? Призрак презрительной гримасы? Сегодня Клаудия отдала предпочтение черному: черные тени на глазах и помада, черный лак на длинных ногтях. Короткое черное платье, оставляющее открытыми стройные ноги в черных чулках, блестящие туфли.

– Он боится сказать нам правду.

Роберто прочитал насмешку в ее огромных глазах, разозлился:

– Вы не даете мне и слова сказать.

– Зато мы видим твои пустые руки.

А вот в глазах барона насмешки не наблюдалось. Чернышев почувствовал, что Бруджа еле сдерживается.

– Мы заключили пари, – объяснила Клаудия. – Я сказала отцу, что ты придешь без шкатулки. Он не поверил и теперь должен мне одно желание.

Алые зрачки на мгновение расширились, а крылья тонкого носа раздулись – что же за желание загадала дочка барона?

– Хватит болтать, – буркнул Бруджа. На этот раз его голос напоминал шелест железных листьев. – Почему ты не принес шкатулку?

– К сожалению, все пошло не совсем так, как планировалось, – вздохнул Чернышев. – У челов ее нет.

– Ты проиграл, Александр, – рассмеялась Клаудия.

– Даже в шутку не смей так говорить!

– Я не шучу. Я имею в виду наше пари.

Барон жестко посмотрел на Роберто.

– Ты хочешь сказать, что ошибся и вышел не на тех челов?

– Я...

– Он хочет сказать, что планы нарушены самым непредвиденным образом, – перебила Чернышева девушка. – Разве не понятно?

Бруджа скрипнул зубами. «Хороший признак, – меланхолично подумал Роберто. – Если бы у него росли иголки, он бы не смог издать подобный звук...»

– Куда она подевалась? – после небольшой паузы осведомился Александр.

– Челы отдали шкатулку за долги.

– Надеюсь, не продешевили? – усмехнулась Клаудия.

– Двадцать тысяч.

– А ты предложил им пятьдесят?

– Да.

– Представляю, как эти ублюдки убивались.

– Клаудия, прошу тебя не острить, – скривился барон.

– Успокойся, Александр, – перебила отца девушка. – Разве я не обещала тебе трудности и нарушение всех возможных планов? Разве я не говорила, чтобы ты готовился к сложному испытанию, а не к туристической поездке?

– Обещала.

– Все так и получилось.

К своему удивлению, Чернышев увидел, что Бруджа действительно успокоился. Неужели был готов к неудаче? Барон открыл бутылку, наполнив салон упоительным ароматом игристого вина провинции Шампань, и повелительно кивнул Роберто:

– Поехали.

* * *

Жилой комплекс «Воробьевы горы».

Москва, улица Мосфильмовская,

4 ноября, четверг, 22.22

Любой игрок суеверен. Самый современный, образованный, верящий в существование космоса и в то, что Земля круглая, самый циничный и скептически настроенный игрок суеверен, и, глядя на бегущий по кругу шарик, на мчащихся лошадей, на приходящие карты, он всегда призывает на помощь высшую силу. Или сжимает в руке счастливый талисман. Или, открывая двери казино, переступает порог с правой ноги. Или...

Любой игрок суеверен – такова логика Игры. И тот, кто пропитался ее духом, спокойно отнесется к проявлению непознанного – он готов к этому.

Эльдару она сказала, что не сможет с ним встретиться. В этом не было ничего необычного: они виделись не каждый день, так что Анна не опасалась подозрений. Ахметов – звонок застал его на работе – пробубнил что-то неразборчивое и попросил обязательно появиться завтра. Анна обещала.

К Крылову девушка приехала на такси. Подкатила к самому подъезду, спокойно прошла через холл, вызвала лифт. И все эти действия – благодаря наведенному мороку – были не замечены охранниками, ведь среди них могли оказаться осведомители Ахметова.

– Кит, привет! – Анна сбросила плащ на руки слегка удивленного Крылова – почему охрана не предупредила о приезде госты? – и прошла в гостиную. – Есть серьезное дело.

– Дело?

В голосе Крылова слышалось разочарование.

– Но от вина не откажусь.

В углу, на барной стойке, девушка заметила бутылку испанского, два бокала, блюдо с фруктами. Про себя улыбнулась: «Господи, как предсказуемы мужики!»

– Никто не знает, что я у тебя, даже охрана здания.

Открывающий бутылку Никита замер.

– Как же ты попала в дом? Через канализацию?

– В корзине с грязным бельем, – мило улыбнулась Анна. И сразу же, серьезно: – О нашей встрече никто не должен знать.

– К чему такая секретность?

– Я хочу поговорить о картах, которые отдал тебе Мамоцких.

Рука, в которой Крылов держал бокал, дрогнула, но он сдержался, спокойно наполнил его вином, поднес расположившейся на диване девушке.

– Решила заняться коллекционированием?

– Почему ты взял их в счет долга?

Никита молча протянул свой бокал, улыбнулся, услышав мелодичный перезвон хрусталя, пригубил рубиновый нектар.

– У меня были причины.

– Я могу о них узнать?

– Зачем?

– Любопытно. Ты заплатил за старую колоду двадцать тысяч. Эльдар удивился, но промолчал, решил, что это очередной припадок коллекционирования, или как это там называется? Мамоцких, как мне кажется, удивился еще больше, он не верил своему счастью до тех пор, пока ты не поставил подпись на расписке. Ты сумел поразить всех. Расскажи, почему ты так поступил?

Взмах огромных ресниц, чуть приподнятые брови, чуть приоткрытые губы, ни дать ни взять – красивая дурочка любопытствует. Но глаза внимательные, выразительные глаза. Черные, бездонные, прекрасные... и умные. И Никита не стал отвечать так, как собирался. Сделал еще один глоток, повертел в руке бокал. Посмотрел на Анну:

– А ты согласишься?

– Я доверчива с детства.

– Незаметно.

– Пару раз обожглась и долго лечилась от этого недостатка. Но навыки остались.

Крылов улыбнулся, ему трудно было представить обжегшуюся Анну, потер подбородок:

– Мне и легко, и сложно ответить на твой вопрос. Легко, потому что ответ прост. Трудно, потому что в него очень сложно поверить. Короче, так: когда я прикоснулся к картам, я почувствовал... они... они как будто укололи меня. Словно прошел ток...

– Через подушечки пальцев.

– Да.

– И это повторяется всякий раз, как ты прикасаешься к ним.

– Что ты знаешь о моих картах? – Никита подошел к дивану, присел рядом с Анной, сделал маленький глоток вина, но его спокойный голос и расслабленная поза не обманули девушку, она видела, что Крылов напряжен. – Я к ним прикасался, я почувствовал укол. А ты? Откуда тебе знать, что они не так просты, как кажется на первый взгляд? Почему затеяла разговор? Почему ты пришла?

– Я верю в сказки, – мягко ответила Анна. – Верю в колдовство. Верю в магию. То, что твои карты необычны, я поняла, едва Мамоцких открыл шкатулку. Мне не нужно было прикасаться к ним.

Никита попытался пробиться сквозь черную стену ее глаз, разглядеть, что таится по ту сторону ночи. Безуспешно.

– Ты – ведьма?

– А если так?

– А если я скажу, что не верю ни одному твоему слову?

– В таком случае ты выбросил на ветер двадцать тысяч.

– Логично. – Крылов рассмеялся, но быстро стер улыбку с губ. Помолчал. – Ты – ведьма. Теперь он не спрашивал.

– Боишься?

– Я чувствовал, что с тобой что-то не так... Ты слишком хороша для обычной женщины. – Крылов протянул руку, пальцы прикоснулись к щеке Анны, скользнули чуть ниже, к подбородку, замерли у полных губ. – Чего ты хочешь от меня?

– Карты.

– Для чего?

– Хочу сыграть.

Никита отдернул руку, прищурился. Девушка с улыбкой наблюдала, как Мужчина борется с Игроком.

– Я пробовал играть, – медленно сообщил Крылов. – Ничего странного, раскладываются, как обычные карты, даже покалывание исчезает.

– А ты думал, они начнут переливаться огнем? – усмехнулась Анна.

– Требуется второй игрок?

– Нет, требуется приложить определенные усилия... активизировать Колоду.

– Что-то вроде заклинания?

– Да.

– Ты его знаешь?

– Да.

– Прекрасно! – Никита отставил бокал и взъерошил волосы. – Тебе нужны мои карты.

Как мы их поделим?

– Ты сыграешь одну партию и отдашь Колоду мне.

– Отдам?

– Или подаришь. Главное – добровольно.

– Так вот в чем дело! – Крылов откинулся на спинку дивана и широко улыбнулся. Впервые с начала разговора улыбнулся по-настоящему. Искренне. От души. – Добровольно! Поэтому ты пришла договариваться? Иначе бы украла? Да? Украла бы?

Анна молчала.

– Добровольно отдать. Подарить... Мне не нравится, как это звучит. Есть в этих словах какая-то неправильность... Почему подарить? Я могу их тебе добровольно продать? Или добровольно дать на время?

«Может, позвонить навам, продиктовать им адрес Никиты и поделить с Генбеком награду?»

– А если я захочу сыграть еще раз?

– После того, как я расскажу тебе о них все, что знаю, уверена, ты не захочешь играть в эти карты больше одного раза, – огрызнулась Анна. – А возможно, вообще не захочешь в них играть.

– Звучит угрожающе. – Крылов понял, что переборщил, и подобрался. – Не обижайся, я ведь еще не до конца...

– Ты думаешь, у тебя пакетик леденцов в кармане? Или палочка-выручалочка? На счастливый билет не рассчитывай, тебе предложат сыграть, по-крупному сыграть, но выигрыша никто не гарантирует.

Никита не отвечал пару минут. Молча смотрел в черные глаза Анны. Держал взгляд. И не проиграл.

– Что ты решил? – тихо спросила девушка.

– Запусти...

– Активизируй, – эхом поправила его Анна.

– Активизируй карты.

– Ты подаришь их мне после первой игры?

– Да.

– Я хочу, чтобы ты поклялся.

– Только после того, как окончательно поверю, что они волшебные. Только после того, как начну игру.

– Ты поверишь, – пообещала девушка.

И отвела взгляд. Она знала, как заставить мужчину сделать то, что от него требуется.

* * *

Ресторан «Сирена».

Москва, улица Большая Спаская,

4 ноября, четверг, 22.23

– Абонент не отвечает или временно недоступен. Попробуйте перезвонить позднее...

Эльдар с яростью посмотрел на трубку мобильного телефона и громко выругался. Он уже два часа не мог дозвониться до Анны.

Когда девушка предупредила, что они не увидятся, Ахметов отнесся к сообщению спокойно – такое случалось не единожды. Но позже, вспомнив вчерашнее утро и возникшую тогда тяжелую неловкость, Эльдар вдруг подумал, что отсутствие Анны может быть связано с этими событиями. «Женщины, черт бы их побрал! Женщины! На словах она желает независимости и свободы, а на деле мечтает о семье и детишках...» Неужели Анна действительно ждет, что он сделает ей предложение? Это невозможно! И снова отчетливая мысль: «Я не хочу ее терять!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.